Pg 46/524

Г. КРЕЙТНЕР

Абиссиния

Р6 46/524

СОЦЭКГИЗ • 1932

Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА
ЗДРАВСТВУЕТ
КНИГА
МОГУЩЕСТВЕННОЕ
ОРУДИЕ
БОРЬБЫ
ЗА
ИСТИНУ
И
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Научно-исследовательская ассоциация
Института востоковедения при ЦИК СССР
им. Н. Нариманова

Рб 46/524

Г. Крейтнер

абиссиния

13985

Государственное
Социально-экономическое издательство
Москва 1932 Ленинград

2020075291

Государственный
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
10164-57

Содержание

Стр.

Предисловие — 3

Общий очерк страны

Географическое положение Абиссинии — 9
Естественные богатства Абиссинии. Сельское хозяйство — 10

История империалистического проникновения в Абиссинию

Борьба за Абиссинию в доимпериалистическую эпоху — 17
Период империализма. Начало раздела Абиссинии — 18
Возникновение Абиссинского государства. Итальянская экспансия и борьба с ней — 19
Англо-французская борьба за истоки Нила. Русский империализм и Абиссиния — 22
Возникновение Антанты. Раздел Абиссинии на сферы влияния 26
Борьба за Абиссинию в послевоенный период — 27

Классы и классовая борьба в Абиссинии — 37

Докапиталистические отношения — 38

Остатки патриархально-родового строя —
Феодальный строй — 40
Рабство и крепостничество — 43
Духовенство—опора феодализма — 44

Командные высоты империализма в Абиссинии — 46

Государственный строй Абиссинии — 57
Классовая борьба в Абиссинии. Восстание 1930 г. — 61
Экономический кризис в Абиссинии — 67

Приложения

Культура и быт Абиссинии — 75
Таблицы импорта и экспорта — 79

Предисловие

Африку называют Черной Индией. В самом деле, подобно Индии Африка—огромный материк, населенный десятками миллионов колониальных рабов (в Индии живет 325 млн. человек, в Африке—200 млн.). Подобно Индии Африка представляет бездонный источник, откуда короли монополистического капитала черпают огромные массы колониальной сверхприбыли, огромные массы дарового человеческого труда. Подобно Индии Африка превращена империалистами в сад пыток и ужасов, в застенок, где за малейшую недоимку колониальной дани европейские «цивилизаторы» сжигают целые селения, калечат и казнят сотни и тысячи туземцев, не щадя при этом ни женщин, ни детей. Подобно Индии Африка представляет узел империалистических противоречий, объект империалистической борьбы за передел мира. И, наконец, подобно Индии в Африке развертывается революционное движение против империализма за национальное освобождение.

И все-таки между Индией и Африкой нельзя провести полную аналогию. Программа Коминтерна различает две группы колониальных и полуколониальных стран. В первую группу входят страны «с известными зачатками, а иногда и со значительным развитием индустрии... с преобладанием феодально-средневековых отношений как в экономике страны, так и в ее политической надстройке... с сосредоточением в руках иностранных империалистических групп важнейших промышленных, торговых, банковых предприятий, основных средств транспорта, земельных латифундий, плантаций и т. д.». К этим странам программа Коминтерна в первую очередь относит Индию и Китай. В другую группу входят «еще более отсталые страны, где почти нет или вовсе нет наемных рабочих, где большинство населения живет в условиях племенного быта, где сохранились еще остатки первобытно-родовых форм, где почти отсутствует национальная буржуазия и где иностранный империализм играет в первую очередь роль военного оккупанта, отнимающего землю».

Индия в целом относится к первой, более развитой группе колоний. Подавляющая часть Африки относится ко второй группе. Но это не значит, что Африка однообразна, что все ее многочис-

ленные области находятся на одной и той же исторической стадии социально-экономического развития. Страны Северной Африки—так называемой «белой», арабской Африки могут быть почти целиком отнесены к более развитой группе колониальных стран. Египет может быть поставлен рядом с передовыми, наиболее развитыми провинциями Индии. Напротив, Центральная Африка, так называемая Африка «черная», негритянская—это пояс отсталых патриархальных стран, здесь еще господствует «племенной быт, остатки первобытно-родовых форм», здесь империализм выступает «в первую очередь в роли оккупанта, отнимающего землю», и т. д.

На грани белого и черного пояса лежит Абиссиния—страна, которой посвящена настоящая брошюра. В этой стране еще сохранились остатки первобытно-родовых форм. Но здесь уже есть зачатки индустрии, правда, очень ничтожные. На всем общественном строе страны—на его экономической основе, на политической, правовой и культурно-бытовой надстройке—лежит четкий отпечаток феодальных средневековых отношений. Различные группы монополистического капитала уже держат в своих руках абиссинский банк, абиссинскую железную дорогу, автомобильные пути, торговые предприятия и, наконец, те немногие промышленные предприятия, которые уже существуют в стране. Более того, эти группы подбираются к эксплоатации кофейных плантаций Абиссинии и во всяком случае уже захватили в свои руки сбыт абиссинского кофе на мировом рынке. Таким образом Абиссиния скорее относится к первой, более развитой группе колоний.

Но если Египет может быть назван африканской Индией, то Абиссиния—это африканский Афганистан. Если в Египте подобно Индии имеются большие города с капиталистическим европейским обликом, значительное число фабрик и развитая сеть железных дорог, промышленный и железнодорожный пролетариат, то в Абиссинии подобно Афганистану города представляют большие деревни с базарами, фабрик нет, немногочисленные промышленные предприятия заняты добычей горных богатств, единственная железная дорога и автомобильные пути еще не ликвидируют бездорожья, пролетариат находится в зачаточном состоянии, остатки племенного быта дают себя чувствовать очень сильно. По своему государственному строю Абиссиния также напоминает Афганистан. Полуколония, возглавляемая феодально-помещичьим правительством абсолютистского типа, формально независимая, она на самом деле зависит от различных империалистических групп, управляющих ею посредством советников, охвативших все отрасли государственного аппарата. История классовой борьбы в Абиссинии, основные вехи которой изложены в брошюре, во многом напоминает классовую борьбу последних лет в Афганистане. И, может быть, глубокое

изучение этой истории даст возможность сделать выводы, ценные не только для Абиссинии, но и для Афганистана, для находящихся в таком же положении государств Аравийского полуострова и даже для Персии.

Однако глубокое изучение не только Абиссинии, но и всей Черной Африки пока еще дело будущего. Индия, Афганистан, Персия и другие азиатские страны уже в значительной мере изучены марксистско-ленинской наукой. Правда, при их изучении были допущены оппортунистические ошибки и уклоны от линии Коминтерна. Борьба с этими уклонами, борьба за правильную, подлинно марксистско-ленинскую разработку проблем революции в этих странах продолжает и сейчас оставаться основной задачей большевистского востоковедения. Но в основном факты, характеризующие современную экономическую и социальную структуру этих стран, процессы их экономической и социальной трансформации в результате империалистического проникновения, процессы классовой борьбы и революционного движения—хорошо известны. Здесь есть уже большая литература, хотя не всегда правильно освещающая основные проблемы развития, но уже собравшая богатый фактический материал.

Напротив, об Абиссинии, Кении, Конго, Нигерии, о других странах Черной Африки марксистской литературы почти нет. Мы только начинаем изучать эти страны, и здесь еще предстоит неизбежный период «первоначального накопления» материалов. Достаточно сказать, что выпускаемая брошюра представляет п е р в у ю советскую работу об Абиссинии (если не считать двух-трех журнальных статей).

В свое время Маркс писал об Индии: «Индийское общество не имеет никакой истории, по крайней мере, никакой известной истории. То, что мы здесь называем историей, является лишь историей друг друга сменяющих завоевателей, которые основывали свои государства на пассивном фундаменте этого косного общества, не оказывающего никакого сопротивления».

За те 80 лет, которые прошли со времени пророческих писем Маркса, Индия обрела историю. В результате прихода новых завоевателей — империалистов, «пассивный фундамент косного общества» изменился. Больше того, как это предсказывал Маркс, он из пассивного стал а к т и в н ы м. Теперь Индия оказывает сопротивление своим завоевателям. Возникло мощное национально-революционное движение. Возник пролетариат, который ведет борьбу за гегемонию в этом движении, за разоблачение национал-реформистской предательской буржуазии, за подлинно революционные методы разрешения задач, стоящих перед индийским народом. Это уже не история завоевателей, а подлинная марксистско-ленинская

история, история классовой борьбы. И такую же историю получили другие народы Азии и Северной Африки.

Напротив, к Черной Африке можно еще применить слова Маркса, можно еще смело сказать об африканском обществе, что оно «не имеет никакой известной истории». В представлении большинства исследователей Черная Африка—это девственная почва, которая кроится и перекраивается под ножами различных империалистических завоевателей. Вся ее история сводится к этим разделам и переделам, к этим сменяющим друг друга империалистическим завоеваниям. Африканское общество представляется как «пассивный фундамент» для завоевателей, как поле, на котором они ведут свою сверхэксплоататорскую деятельность, не наталкиваясь на сколько-нибудь серьезное сопротивление. Под этим углом зрения написано все основное, что имеется у нас о Черной Африке [1].

Но если в период завоевания и раздела Черной Африки восстания почти первобытных туземных племен действительно не имели значения перед лицом вооруженных до зубов империалистических армий, то теперь, в период пролетарских и колониальных революций, эти восстания включаются в мировой революционный фронт и приобретают серьезное значение. Теперь восстания в Нигерии и Кении становятся звеньями в общей цепи восстаний против британского империализма—в Индии, Палестине, Египте, Бирме, на Кипре. Теперь восстание во Французском Конго совпадает с восстаниями в Марокко и в Индо-Китае. Черная Африка обретает историю. «Черные страны включаются в революционный фронт. И перед марксистско-ленинской партийной наукой, теоретические задачи которой всегда определялись и определяются революционной практикой, встает во весь рост задача изучения «Черного континента».

Первые робкие, не вполне удачные шаги в этом направлении уже сделаны. Уже появились работы, которые не только рассматривают Африку как объект империалистических завоеваний, но ставят также проблемы социального и экономического развития, проблемы классовой борьбы и революционного движения [2]. К числу этих книг относится и предлагаемая брошюра, которая ставит впервые эти вопросы для Абиссинии. Мы подчеркиваем ставит, так как отвечает она далеко не на все вопросы и в лучшем случае лишь намечает пути их разрешения. Именно потому, что мы только приступаем к изучению Черной Африки, и в частности Абиссинии, эта задача наталкивается на многие трудности.

Страны Азии и Северной Африки изучены нами в значительной

---

[1] Дармштетер, История раздела Африки; Мун, Империализм и мировая политика; Павлович, Борьба за Азию и Африку и др.

[2] Юг, Империализм на Черном континенте. (Есть ряд ошибок.) Юг, Британские колонии в Восточной Африке; Дюваль, Французский империализм в колониях. (Автор—сторонник теории деколонизации.)

мере на основе непосредственного опыта. Если в таких странах, как Турция, Персия, Афганистан, Син-Цзян и др., находятся дипломатические и торговые представительства Советского союза; если в Китае, Корее, Индонезии, Индокитае, Индии, Персии, Турции, Сирии, Палестине, Египте, Алжире и Тунисе—действуют братские компартии, изучающие современное положение этих стран на основе своего революционного опыта; если компартии Франции и Англии ведут революционную работу в важнейших французских и английских колониях,—то при таких условиях марксистско-ленинское востоковедение может сосредоточить в своих руках богатейшие фактические материалы об этих колониях и полуколониях, именно те подлинно научные, объективные материалы, которые нужны для нашего партийного исследования. Кроме того по этим странам имеются буржуазные источники—газеты и журналы, статистические сборники, националистические воззвания и памфлеты, из которых тоже извлекаются богатейшие материалы по экономике и революционному движению.

В совершенно ином положении страны Черной Африки, в данном случае Абиссиния. Полное отсутствие живых связей, регулярно выходящих газет и статистических данных, национальной, политической и экономической литературы—вот что характерно для этих стран. При таких условиях приходится прибегать к писаниям всякого рода путешественников и миссионеров, авантюристов и дипломатов (в том числе представителей царского «св. Синода»), преследовавших империалистические цели,—к писаниям, которые конечно ни в какой мере не удовлетворяют марксистского исследователя даже в части фактических материалов.

При таких условиях еще рано дать подлинно исследовательскую работу об Абиссинии, и особенно о революционном движении в этой стране. Можно только осветить основные факты, поставить основные проблемы, наметить пути их разрешения. Но полный ответ можно будет дать лишь тогда, когда Абиссиния станет доступной для марксистских исследователей, когда изучать ее можно будет не только по буржуазным и поповским книгам.

Однако откладывать научную разработку африканских проблем до тех пор, пока наступит это время, мы не можем. Мировой экономический кризис охватывает Африку все глубже и глубже. Одно восстание вспыхивает вслед за другими. Только в 1930 г. по Абиссинии прокатилось восстание, которое во многом напоминало гражданскую войну в Афганистане и прошло у нас совершенно незамеченным. Африка—двухсотмиллионный резерв мировой революции—пришла в движение. И марксистско-ленинское востоковедение должно немедленно, не откладывая дела до лучших

времен, ставить те проблемы, которые выдвигаются этим мощным процессом.

Поэтому, сознавая недостаточность предлагаемой работы, сознавая, что она не представляет научного исследования в строгом смысле этого слова, секция по изучению арабских и африканских стран при НИА Института востоковедения считает необходимым выпустить ее. Секция считает, что брошюра представляет значительную ценность для молодых марксистско-ленинских востоковедных кадров, как первая работа, которая серьезно ставит перед читателем проблемы абиссинской истории, политики и экономики. Этот первый шаг должен стимулировать дальнейшее изучение проблем Абиссинии. Этим первым шагом мы открываем тот большой путь, который лежит перед молодыми марксистами-ленинцами, приступающими к изучению надвигающихся революционных событий на «Черном континенте».

Секция по изучению арабских и африканских стран Научно-исследовательской ассоциации при Институте востоковедения им. Нариманова.

Общий очерк страны

Географическое положение Абиссинии

Абиссиния расположена в восточной части Африки вблизи экватора на территории от 3 до 15° северной широты и от 35 до 42° восточной долготы. Ширина ее с востока на запад различна— в узкой части она равна 450 *км*, а в наиболее широкой она достигает 1 350—1 400 *км*.

Географическое положение Абиссинии издавна привлекало к ней внимание европейцев. Омываемая Красным морем и Индийским океаном, Абиссиния, особенно ее восточная часть, далеко выдающаяся в море, представляла промежуточную станцию на торговом пути из Европы вокруг Африки в Китай и Индию. В период первоначального накопления, в «эпоху великих географических открытий», европейский торговый капитал устремлялся не только в Новый Свет по стопам Колумба, но и в далекую Азию по пути, открытому Васко-де-Гама.

Когда в Индии и в Индо-Китае образовались первые европейские колонии (португальцев, голландцев, французов), значение Абиссинии как промежуточного звена возросло еще больше. К этому времени относятся первые неудачные попытки европейцев вступить в сношения с Абиссинией и укрепиться на ее берегах. Позднее, уже в XIX в., французы и итальянцы сумели, путем сделок с мелкими феодальными князьками прибрежных областей, приобрести в Абиссинии прибрежные территории (Ассаб, Обок), рассчитывая использовать их как станции для своих кораблей.

В эпоху империализма значение Абиссинии еще более увеличилось, после того как был прорыт Суэцкий канал. Абиссиния оказалась расположенной на кратчайшем пути из Англии в ее колонию—Индию, из Франции—в ее колонию Индо-Китай. Каждая из этих держав стремилась утвердить свое господство над морскими путями, чтобы обеспечить связь с колониями и возможность беспрепятственной их эксплоатации. Это вело к непрестанным попыткам захвата всех прибрежных территорий, расположенных на «имперских» путях. Ясно конечно, что руководимые одинаковыми намерениями, стремясь захватить один и тот же объект, как это было с Абиссинией, эти державы вступали друг с другом в ожесточенную борьбу, к подробностям которой мы вернемся впоследствии. В результате этой борьбы Абиссиния подверглась подлинному колониальному разделу: в настоящее время страна

не владеет ни одной пядью земли на берегу моря, тогда как раньше ее морская граница простиралась от Суакина до мыса Гвардафуй и спускалась по восточному берегу Африки до Занзибара. Все порты принадлежат теперь различным европейским державам. Договоры с Англией, Францией и Италией, навязанные Абиссинии в разное время, закрепили за этими державами не только прибрежные земли, но и огромные участки земель хинтерланда; северные провинции захвачены Италией, северо-западная область отторгнута Англией и присоединена ею к Судану и т. д.

В результате, собственно Абиссиния оказалась окруженной империалистическими колониями, большая часть которых была в свое время оторвана от абиссинской территории. На северо-западе Абиссиния граничит с англо-египетским Суданом, на севере и северо-востоке—с итальянской Эритреей, на востоке—с Французским и Английским Сомали, на юге—с Британской Восточной Африкой и Итальянским Сомали.

Окончательные границы Абиссинии с этими странами были установлены лишь в начале XX в., после длительного периода борьбы Абиссинии за независимость и бесконечных споров между державами за каждый метр захваченной территории.

Но не только в силу своего географического расположения Абиссиния привлекала к себе внимание империалистических хищников. Ее естественные богатства притягивали их с неменьшей силой.

Естественные богатства Абиссинии

Сельское хозяйство

Вся Абиссиния представляет высокое гористое треугольное плато, которое на северо-западе снижается по направлению к Нильской долине, на юго-западе спускается по долинам рек, а на востоке—к Красному морю.

Плато расположено на высоте от 1 800 до 3 000 *м* над уровнем моря. Отдельные горы имеют высоту до 4 500 *м* и бо́льшую часть года покрыты снегом.

Благодаря гористой поверхности климат Абиссинии крайне разнообразен. В нижней зоне на высоте 1 500—1 600 *м* климат носит тропический характер; здесь могут развиваться те тропические растительные культуры, то ценное тропическое сырье (гумми, кофе, хлопок), которое привлекает империалистические аппетиты. Менее богаты ценными культурами более высокие зоны с умеренным климатом (одна—на высоте от 1 600 до 2 400 *м*, другая -свыше 2 500 *м*). Наконец на уровне свыше 3 500 *м* начинается зона снегов.

В свое время, изучая развитие форм земельной собственности на Востоке. Энгельс обращал особое внимание на «климат и свойства почвы». Он указывал, что на Востоке проходит «великая полоса пу-

стынь, тянущаяся от Сахары вкось через Аравию, Персию, Индию и Татарию вплоть до самого высокого азиатского плоскогорья». «Первым условием земледелия здесь является искусственное орошение»,—писал он [1]. А впоследствии в «Анти-Дюринге» Энгельс еще раз подчеркнул, что «от Персии до Индии, от Египта до Китая, во всех странах существует народная поговорка о том, что «без воды нет земледелия».

Абиссиния лежит к югу от «великой полосы пустынь». Она обладает совершенно достаточными запасами воды. Через Абиссинию протекают горные потоки и большие реки, в стране имеются такие большие резервуары воды, как озеро Тсана. Кроме того, абиссинское земледелие обеспечивается естественными осадками - тропическими дождями. Почва Абиссинии тоже очень богата и резко отличается от каменистой, песчаной почвы хотя бы соседней Аравии.

Таким образом, не в пример многим другим колониальным странам, в Абиссинии существуют исключительно благоприятные физико-географические предпосылки для развития земледелия.

На северо-западе Абиссинии начинается долина Нила, которая простирается вплоть до Средиземного моря. Нил, как известно, одна из крупнейших рек мира. Она составляется из двух рек—Белого и Голубого Нила. Последний берет начало в горах Абиссинии. Пройдя 150 миль от истока, Голубой Нил впадает в озеро Тсана, а затем на расстоянии 1100 миль от него сливается с Белым Нилом, неся в своих водах плодородные аллювиальные отложения.

В последнее время вопрос об истоках Нила приобрел крупное политическое значение, и борьба за эти истоки между различными империалистическими державами, начавшаяся еще в прошлом столетии, вновь усилилась в связи с проектом строительства плотины на озере Тсана.

Плодородие не только Абиссинии, но и всей Нильской долины—Судана и Египта—целиком зависит от размывов пород и земель абиссинских гор. Вся размытая земля уносится потоками воды вниз по склонам гор. Основную роль здесь играют Голубой Нил и его главнейшие притоки (например Атбара), берущие начало в горах. Стремясь обеспечить за собой возможность полного контроля над экономической и политической жизнью Египта, английские империалисты проектируют соорудить на верхнем течении обоих рукавов Нила несколько плотин и каналов, посредством которых они бы могли регулировать движение нильских вод и таким образом держать Египет под угрозой водяного голода. К числу этих проектов относится сооружение плотины и резервуара на озере Тсана. Однако

[1] Письмо Марксу от 6/VI 1853 г.

в борьбу за озеро Тсана вмешался американский империализм, и таким образом это озеро превратилось в объект международной политики и империалистических противоречий.

Кроме Нила и озера Тсана в Абиссинии немало других, хотя и менее крупных, рек и озер. Из них следует упомянуть как наиболее значительные по бассейнам реки Мареб, Атбара, Сетит, впадающие в Нил и несущие много вулканических плодоносных размывов; кроме озера Тсана следует упомянуть цепь озер на юге около 200 миль длиной. Самое крупное из них—озеро Рудольфа. Большая часть его находится по ту сторону границы—в Уганде.

Размеры осадков (900—1 000—1 200 *мм*) обеспечивают буйный рост растительности. Дожди выпадают периодически. Так называемый сухой сезон продолжается с конца сентября до середины июня, а дождливый—с середины июня до конца сентября. Перед сезоном больших дождей идут «малые» дожди (в феврале, марте или апреле).

Климат Абиссинии обеспечивает развитие многих ценных культур. Исключение представляет прибрежная полоса (Джибути, Обок и т. д.), о которой английский исследователь Рей говорит: «Эти места интересно посмотреть один раз, но вы не захотите увидеть их снова». Один из агентов царизма Складовский для характеристики этих мест употребил чисто «русское» сравнение: «представьте себе, что вы все время находитесь на верхней полке бани, когда пускают пар». Действительно, камни, скалы вулканического происхождения, песок—вот что покрывает прибрежную полосу на расстоянии 90—120 *км* вглубь страны. Неудивительно, что этот район совершенно лишен растительности.

Но зато вся остальная Абиссиния—«рай земной». Плодородие почвы здесь таково, что, несмотря на крайне примитивные методы и орудия обработки, несмотря на примитивность ирригации (все ирригационные сооружения сводятся к канавкам, вырытым вокруг полей; во время сезона дождей в эти канавки стекает вода, сохраняющаяся здесь для сухого сезона), несмотря даже на продолжительный сухой сезон, абиссинские крестьяне собирают в год три, а в некоторых местах даже четыре урожая.

Но «рай земной» далеко не обеспечивает своих жителей. Абиссинское земледелие находится на исключительно низком уровне. Земля обрабатывается деревянными кирками, мотыгами или деревянными же плугами. Металлические орудия встречаются редко, и крестьянину недоступны. У помещиков же нет необходимости прибегать к машинам при наличии крепостнического, рабского, почти дарового труда и узаконенной барщины.

Рей передает слова одного абиссинского помещика: «Зачем мне обрабатывать землю механическим плугом? Любой крестьянин в моем округе обязан явиться ко мне с упряжкой быков и вспахать столько моей земли, сколько мне нужно. Я убью несколько быков,

для того чтобы накормить пришедших людей, быки мне мало стоят, и у меня не будет никаких других расходов. Зачем же мне тратить деньги, чтобы моя земля была вспахана немного быстрей?»

Остальные процессы носят такой же примитивный характер. Созревшие злаки срезаются просто ножами или серпами у самого колоса. Срезанные колосья сносятся на отдельную площадку, и зерно вымолачивается, вернее—вытаптывается скотом. После этого зерно подбрасывают на воздух, предоставляя ветру быть веялкой.

Низкий уровень земледелия характеризуется также его структурой. Разводятся преимущественно малоценные культуры—злаки: тэфф (сорт проса), ячмень, дурра. Тэфф и дурра—основная пища населения. Из ячменя делают пиво и употребляют его как корм для скота.

Разведение ценных культур—кофе, хлопка, перца—также находится на низком уровне. В диком виде кофе растет повсеместно. Но значительная часть его урожая остается несобранной, так как туземцы собирают кофе лишь в местностях, прилегающих к их деревням, и специально его не культивируют. Правда, отдельные помещики имеют небольшие кофейные плантации ценных сортов кофе, но число таких плантаций невелико. Иностранный капитал, захвативший монополию на экспорт абиссинского кофе, попытался взять в свои руки и его производство. В районе Аруцци были созданы кофейные плантации, принадлежащие бельгийской компании. Однако в основном до сих пор большая часть абиссинского кофе собирается примитивным способом в мелких и мельчайших хозяйствах туземных крестьян.

Хлопок тоже растет во многих местах и тоже дико. По своему качеству он не уступает лучшему в мире египетскому хлопку, но специально не разводится. Хотя производственные возможности Абиссинии в отношении хлопка очень велики, хотя вопрос об их использовании не раз поднимался Суданским хлопковым синдикатом и другими английскими трестами, тем не менее капиталисты не сумели развернуть здесь культуру хлопка, не создали здесь хлопковых плантаций. Мировой рынок хлопка был перенасыщен еще до начала мирового экономического кризиса, а сейчас, в условиях кризиса, производственные возможности капиталистической системы в области хлопка вообще исчерпаны. О каком развитии хлопковых плантаций в Абиссинии может итти речь, если фактически лопнул английский хлопковый синдикат в Судане, если сокращаются посевные площади в Египте, если на складах лежат миллионы кип непроданного хлопка—американского и восточного.

Поэтому абиссинцы до сих пор собирают лишь небольшие количества дико растущего хлопка, который идет на кустарное производство туземных тканей.

На таком же низком уровне находится, вопреки благоприятным

Абиссинская деревня

естественным предпосылкам, лесное хозяйство Абиссинии, подвергающееся хищнической эксплоатации. Если раньше склоны гор были покрыты лесами, то теперь эти леса вырублены для постройки жилищ, проведения тропинок, мостов, для устройства пастбищ и т. п. И хотя абиссинские леса содержат ценные породы (сикоморы, мимозы, финиковые пальмы, акации, тамаринды, деревья гумми), они не разрабатываются регулярно и промышленного значения не имеют. Гумми представляет ценное сырье, добываемое только в лесах Восточной Африки. Но в то время как Судан является фактическим монополистом по гумми и вывозит его в больших количествах, в Абиссинии это ценное сырье почти не добывается. Урожая фиников нехватает даже для удовлетворения местных потребностей. Правда, многочисленные фруктовые деревья обеспечивают местное население всеми видами фруктов. Но говорить о садоводстве в прямом значении этого слова тоже не приходится. Фруктовые деревья (главным образом апельсины, фиги, лимоны, бананы, виноград) растут дико, и урожай собирается нерегулярно несколько раз в году.

Относительно развитыми отраслями хозяйства являются животноводство и охота, что также характеризует низкий уровень абиссинской экономики. Показательно, что основной статьей экспорта из Абиссинии являются продукты животноводства, в первую очередь кожи.

Наконец к числу естественных богатств Абиссинии надо отнести большие залежи ископаемых, разработка которых впрочем почти не производится. В Абиссинии обнаружены богатые золотые россыпи—в песке и в кварцевых породах, драгоценные камни, железо, медь, никель, лигнит, поташ. Больше того—на границе Британского Сомали была обнаружена нефть. Один англо-американский трест поспешил получить концессию на эксплоатацию нефти, но эта концессия тоже лежит «неиспользованной», разработка ее не ведется.

Благодаря своим неисчерпаемым природным богатствам Абиссиния представляет объект борьбы между империалистическими государствами. Разнообразнейшие климатические условия, обилие осадков, плодородная почва—все это создает естественные предпосылки для развития ценных земледельческих культур. Возможности развития скотоводства, плантационного разведения хлопка, кофе—огромны. Если к этому прибавить ценность горных еще почти никем не тронутых богатств Абиссинии, то мы легко поймем, почему все империалистические страны—Англия, Франция, Италия, в свое время царская Россия, в последнее время Америка—так упорно и долго ведут между собой борьбу за гегемонию в абиссинских делах.

Правда, разработка этих естественных богатств, как мы видим, продвигается очень слабо.

Объясняется это тем, что империалисты приступают к эксплоатации Абиссинии в период загнивания капитализма, в период, когда производственные возможности капиталистического общества резко ограничены, когда производительные силы в пределах умирающей формации обречены в основном на застой и деградацию.

Но это не значит, что в этот период ослабляется борьба за обладание источниками сырья. Империалисты с еще большей силой добиваются сырьевых монополий как производственных (нефть, рудные богатства и т. п.), так и торговых (кофе, хлопок и т. п.) не для того чтобы разрабатывать источники и расширять плантации, а для того чтобы ограничивать производство, для того чтобы, сокращая размеры продукции, повышать монопольные цены или удерживать их на высоком уровне даже в момент кризиса. Именно поэтому в Абиссинии не разрабатываются ни нефть, ни рудные богатства, хотя концессии на них выданы. Именно поэтому в Абиссинии не закладываются новые кофейные и хлопковые плантации.

Дерезенский староста

Но в то же время борьба за Абиссинию и абиссинское сырье не уменьшается, а, напротив, усиливается.

В тот период, когда империалисты только осваивали новые для них земли, приобретали колонии, когда происходил первоначальный дележ мира, уже тогда Абиссиния как лакомая добыча неоднократно выступала на арене империалистической борьбы. Теперь же, в эпоху крайнего обострения всех противоречий капиталистической системы, Абиссиния в еще большей степени втягивается в водоворот событий. Борьба за рынки сбыта, за источники сырья, за сферы приложения капитала происходит с тем большей остротой, чем быстрее идет процесс разложения капиталистической системы. Абиссиния не может остаться в стороне от этой борьбы. Чем острее становятся противоречия капитализма, тем глубже развертывается борьба между империалистическими хищниками за раздел Абиссинии, за превращение Абиссинии из полуколонии, формально независимой, в колонию.

История империалистического проникновения в Абиссинию

Борьба за Абиссинию в доимпериалистическую эпоху

Как уже отмечалось в начале брошюры, первые попытки европейского торгового капитала превратить Абиссинию в колонию относятся к эпохе первоначального накопления, к XV—XVI вв.

В конце XV в.—в 1492 г.—португальские купцы послали первую «дипломатическую» миссию в Абиссинию. Спустя несколько лет была послана еще одна миссия. В 1541 г. португальский авантюрист Христофор де-Гама принял на себя командование абиссинскими войсками и при поддержке 400—500 португальских мушкетеров вступил в войну с мусульманским феодальным княжеством Гондар (на севере Абиссинии). Прикрываясь единством религии—лозунгом союза христианских наций против наступления воинствующего ислама, португальские купцы искали в Абиссинии новых объектов эксплоатации, новых сфер деятельности. Однако португальский капитал не сумел превратить Абиссинию в плацдарм для своей торговой экспансии.

В XVI—XVII вв. Абиссинию изредка посещали отдельные католические миссионеры. В конце XVIII в. в страну проникли англичане.

Но колониальный раздел Абиссинии начался только в XIX в.

Абиссиния лежит на морском пути в Индию. С тех пор как французы были окончательно изгнаны из Ост-Индии и последняя была окончательно превращена в английскую колонию, Франция вступила в ожесточенную борьбу с Англией, которая развернулась на всех участках индийского пути. Еще в начале XIX в. Наполеон Бонапарт совершил свою знаменитую экспедицию в Египет, Палестину и Сирию, пытаясь в то же время подчинить своему влиянию аравийских шейхов. В течение всего XIX в. Франция пыталась укрепиться в Египте и вытеснить оттуда англичан. Такая же борьба между Францией и Англией происходила в Абиссинии.

Раздробленная на отдельные, часто враждебные друг другу мелкие феодальные государства, Абиссиния казалась империалистам сравнительно легкой добычей. Они затеяли в стране сложные интриги, используя противоречия между отдельными феодальными династиями, рознь между племенами и религиями. Они поддерживали правой рукой одних феодалов, а левой других, стремились

спровоцировать их на военные действия, ослабить их и выступить самим в качестве арбитров, рассчитывающих на «справедливую» мзду в виде земельных приобретений, особых прав и пр. Уже в 1847 г. англичане заключили договор с феодальным королевством Шоа, а в 1849 г.—с королевствами Амхара и Тигре. В том же году заключили договор с Шоа и французы.

Период империализма
Начало раздела Абиссинии

С наступлением периода империализма борьба за раздел мира активизируется. Английские и французские империалисты, продолжая попрежнему тактику внутренних интриг и раздоров, переходят в то же время к активным захватническим действиям.

В 1862 г. Франция купила за 10 тыс. долл. порт Обок, якобы «для организации угольной станции». В 1884 г. порт Обок был окончательно закреплен за Францией, а в 1885 г. была объявлена французской и окружающая его территория. Захват был закреплен договорами с местными феодалами. В следующие четыре года (1884—1888) Франция распространила свое влияние на области Таджура, Дулжун, Сукги, Сагалло, Амбадо и, наконец, после оккупации прибрежных островов (Мудах, Баб, острова Братьев и др.) обосновалась в Джибути. Так образовался Французский берег Сомали.

Джибути стал центром Французского Сомали лишь в 1892 г., когда окончательно выяснилась непригодность Обока как порта.

В свою очередь не дремал английский империализм. Чтобы обеспечить за собой контроль над путем в Индию, он окончательно закрепил за собой аравийский порт Аден на Красном море и остров Перим.

Затем Англия приступила к «освоению» абиссинской территории. В том же 1884 г. (это не случайное совпадение, а результат негласной договоренности) она захватила абиссинские порты Зейла и Бербера и прибрежные области, составившие так называемое Английское Сомали. Англия и Франция взаимно признали свои захваты в 1888 г. (англо-французское соглашение 2 и 9 февраля 1888 г.).

Под влиянием этих захватов молодой итальянский империализм, вступивший на историческую арену значительно позже французского и английского и потому лишенный колоний, тоже решил увеличить размеры своей территории. Не ограничиваясь портом Ассабом, купленным в 1870 г., тоже «для организации угольной станции», Италия в 1885 г. оккупировала Массауа. Населению захваченной прибрежной полосы было при этом объявлено, что «итальянское правительство»—«друг Англии, Турции и Египта и поэтому

ему дано право занять Массауа»[1]. Попытки абиссинского правительства указать на то обстоятельство, что Египет не имеет никакого права передавать Италии незаконно захваченную им самим территорию и на недопустимость санкции этой передачи Англией, естественно ни к чему не привели. Англия оказала поддержку Италии конечно недаром. С одной стороны, наступление Италии сдерживало агрессию Франции. С другой стороны, Англии нужен был союзник для борьбы с суданскими повстанцами-махдистами. Образовав со стороны северо-восточной Абиссинии (Эритреи) продольный заслон из итальянских войск в районе Касала и нажимая на махдистов с севера, можно было заставить их двигаться на юг, т. е. в Абиссинию. При значительных силах махдистов Англия получала новое средство давления на Абиссинию, играя двойную игру и ссылаясь на «объективные» обстоятельства[2]. Расчет оправдался. В борьбу с повстанцами была втянута Абиссиния. Абиссинские войска понесли большие потери, негус области Тигре был убит.

Под шумок этих поражений итальянцы передвинулись от Массауа дальше до провинции Тигре, заняв территорию современной Эритреи.

Империалистическое проникновение облегчалось раздробленностью Абиссинии на отдельные мелкие государства. Враждующие феодалы прибегали к помощи разных империалистических держав. Благодаря этому положение еще более запутывалось. Так например негус Иоанн из провинции Тигре поддерживал военную экспедицию англичанина Нэпира против другого феодала. Негус Менелик из провинции Шоа боролся с Иоанном при помощи итальянцев[3] и спустя несколько лет отразил движение итальянцев при помощи других европейских держав.

Возникновение Абиссинского государства
Итальянская экспансия и борьба с ней

К концу XIX в. в Абиссинии развивается движение за политическую централизацию страны, за объединение отдельных феодальных государств в единое централизованное государство. Это движение возникло в результате товаризации абиссинского

---

[1] Дело в том, что Массауа был ранее завоеван войсками египетского хедива Измаила паши, а Египет номинально являлся турецкой провинцией и в то же время уже был оккупирован Англией. Вот почему в декларации была сделана ссылка на три страны.

[2] См. об этом периоде П. Т. Мун, Империализм и мировая политика, гл. VII.

[3] Италия (по договору в Уччиали) снабдила Менелика десятками тысяч ружей, несколькими пушками со снаряжением для борьбы его с Иоанном, на которого она сама наступала. Это оружие Менелику пригодилось прежде всего для борьбы с самой Италией.

хозяйства, в результате создания внутреннего рынка (правда, очень узкого и примитивного, поскольку этот внутренний рынок покоился на феодально-крепостнической основе, на сохранении феодальных и полуфеодальных отношений, феодально-крепостнических методов эксплоатации), в результате укрепления туземной торговой буржуазии и ее стремления к ликвидации внутренних феодальных границ. В качестве вождя этого движения выделился негус Менелик II, которого французские исследователи называют абиссинским Петром Великим.

Если бы Менелику не удалось собрать Абиссинию воедино, то несомненно, что раздираемая враждой феодалов между собой, она легко стала бы к началу XX в. полной добычей империалистических хищников. Воспользовавшись ослаблением феодалов, Менелик подчинил их владения, кроме того он подчинил себе важнейшие кочевые племена.

Последнее феодальное королевство Годжам было присоединено в 1901 г. Менелик сумел противопоставить стремлениям империалистов Абиссинию как единое государственное целое, как одну нацию. Это ему удалось тем более легко, что бесконечные внутренние междоусобные и внешние войны, наряду с колониальной эксплоатацией в районах, захваченных европейцами, создавали прекрасную экономическую почву для массового недовольства.

Все выгоды объединения сказались немедленно в борьбе с итальянцами. Еще в то время, когда Менелик пользовался услугами итальянцев в борьбе против царства Тигре, он заключил с Италией в 1889 г. Уччиальский договор о поддержке и дружбе. Когда Менелик стал негусом всей Абиссинии, то Италия пыталась использовать этот договор, чтобы установить протекторат над Абиссинией. Однако она встретила отпор со стороны России и Франции. Период «мирного» захвата у Абиссинии прибрежных кусков, период «полюбовного» дележа независимой страны давно закончился. Противоречивые интересы империалистических держав снова столкнулись.

В 1891 г. Италия и Англия разграничили сферы своего влияния. По договорам, заключенным 24 марта и 15 апреля 1891 г., Англия признавала итальянский протекторат над всеми районами Абиссинии, исключая область истоков Нила и включая область Харрар, где до тех пор успешно распространяли свое экономическое влияние французы. Италия наводнила своими войсками север Абиссинии—Тигре—и направлялась дальше на юг, действуя одновременно и с востока и с юга[1].

[1] В 1892 г. Италии, при поддержке Англии, удалось получить часть Сомалийского побережья, не представляющую особой ценности ни для Абиссинии, власть которой там была фиктивной, ни для Англии (бесплодные пески, малочисленность населения, ничтожный товарооборот). Часть по-

Воин

Менелик дважды протестовал против действий Италии и даже денонсировал Уччиальский договор. Но протесты были безуспешны. Против итальянского проникновения выступила Франция, толкавшая Менелика на войну и обещавшая ему всемерную поддержку, ибо неприкрытые стремления Италии к оккупации всей Абиссинии угрожали достижениям французов на юго-востоке страны. Война была объявлена, и в 1896 г. итальянцы потерпели в битве под Адуа жестокое поражение. Это поражение было настолько тяжело, что вызвало отставку итальянского правительства, возглавляемого известным идеологом итальянского империализма Криспи, и изменило отношение широких кругов итальянской буржуазии к красноморской авантюре. Война была признана проигранной. Итальянцам

бережья Красного моря от Ассаба на север до Массауа (Данакиль) была также признана итальянской. Этот участок прибрежной полосы также не имел почти никакой ценности. Разграничительная линия между Французским Сомали и итальянской Эритреей была окончательно установлена в 1908 г.

пришлось уплатить Менелику значительную контрибуцию и отказаться от своей захватнической программы.

Мирный трактат (26 октября 1896 г.) в первую очередь аннулировал Уччиальский договор. Новый договор написан на языках амхарик и французском, а не на итальянском, во избежание «недоразумений». Но Абиссиния должна была расплачиваться за французскую «помощь».

Франция получила концессию на постройку железной дороги Джибути—Дире-Дауа. Свободного выхода к морю Абиссиния так и не сумела добиться. Джибути стал окончательно французским портом. Англия тоже потребовала себе награды за «нейтралитет». И она получила эту награду: Менелик признал захват Английского Сомали.

Таким образом даже военная победа Абиссинии была использована империалистами для ее дальнейшего раздела. Правда, в результате войны итальянцы очистили большую часть провинции Тигре, но северная Абиссиния и порт Массауа остались за ними. Этот район в 1890 г. получил название Эритрея.

Англо-французская борьба за истоки Нила
Русский империализм и Абиссиния

Но войной с Италией далеко не закончился раздел Абиссинии. Франция мечтала о расширении своих африканских владений от Конго до Сомали через всю Центральную Африку, включая Абиссинию. Французские стремления противоречили интересам Англии, которая стремилась создать сплошной пояс английских владений в Восточной Африке—от Каира до Капштата, тоже включавший Абиссинию. Италия, в свою очередь, мечтала о создании империи от Средиземного моря до Индийского океана. Этими противоречивыми стремлениями империалистов умело воспользовалась Абиссиния, отстояв в конце концов, хотя и ценой тяжелых территориальных потерь, свою формальную независимость.

Итальянский империализм пользовался постоянной поддержкой Англии. В борьбе со своим основным противником—Францией английский империализм стремился использовать итальянскую экспансию. Но Франция выдвигала свои контрпланы. Ж.-д. линия Джибути—Дире-Дауа должна была явиться, по мысли французов, лишь голодным участком великого трансафриканского пути, связывающего французские владения в Африке. Дорога прокладывалась в первую очередь по политическим соображениям. Ее экономическое значение стало ясно видно лишь впоследствии. В строительстве этой дороги первоначально участвовал и английский капитал. Но

французы вскоре поспешили выкупить акции у английских держателей, желая обеспечить за собой монополию на эксплоатацию железной дороги и полную свободу действий. Дорога строилась бешеным темпом в исключительно неблагоприятных климатических и почвенных условиях (каменистые породы). В 1902 г. участок до Дире-Дауа был построен. На дальнейшее строительство Англия наложила решительное вето [1]. Франция не могла решиться на открытую борьбу с Англией из-за Абиссинии и принуждена была подчиниться английским требованиям. И лишь после нескольких лет переговоров, когда французы отказались от захвата всей Абиссинии целиком в свои руки и «удовлетворились» тем, что совместно с Англией и Италией разделили ее на зоны влияния, Англия согласилась в 1909 г. на продолжение дороги до Аддис-Абебы. Этот участок был закончен постройкой в 1917 г.

Чем была опасна для Англии французская экспансия? В первую очередь намерением сделать всю Абиссинию (включая озеро Тсана) французской колонией. Воды Абиссинии—это ключ к пониманию английской политики в этой стране. Египет и Судан живут Нилом. После захвата Египта и Судана Англия не могла оставить Абиссинию вне сферы своего влияния. Озеро Тсана—истоки Нила—вот что больше всего привлекало в Абиссинии английских империалистов. Сооружения, контролирующие течения вод Нила, должны быть закреплены за Англией. Этот тезис был положен в основу всей абиссинской политики английского империализма. И в этом отношении была опасна не столько сама Абиссиния, у которой никогда нехватило бы средств на постройку таких сооружений, сколько французская экспансия вглубь страны. Отсюда вытекала необходимость парализовать движение Франции, прибегая ко всяким мерам, используя как прямую угрозу, так и вожделения других стран, в первую очередь Италии.

Но если в борьбе с Францией был создан англо-итальянский блок, то французский империализм пытался противопоставить этому блоку свой союз с царской Россией, тоже принимавшей активное участие в абиссинских делах.

Царское правительство интересовалось Абиссинией как удобным местом, откуда можно было нанести чувствительный удар Англии. «Создать Эфиопскую империю как крепость и оплот против Египта,

---

[1] Успехи французов наносили ущерб Англии не только в Абиссинии. «С постройкой железной дороги порт Джибути становится серьезным соперником английского Адена. Стоя на пути из Франции в колонию Мадагаскар и Индо-Китай, на пути в Австралию и Южную Африку, Джибути быстро развивается как торговый порт и оставляет далеко позади себя Аден. Надо думать, что Джибути—ворота для богатой Абиссинии и порт французских колоний—станет в недалеком будущем Марселью Индийского океана» (из доклада Кохановского, б. врача русского посольства в Абиссинии, министру иностранных дел Сазонову 1 июня 1913 г.).

не дать английским колониям Африки соединиться,—имело для нее высокой важности значение»[1]. Еще в 1888 г., по инициативе нижегородского губернатора генерала Баранова, казачья банда, возглавляемая авантюристом Ашиновым, пыталась захватить территорию на Абиссинском побережье. В записке, поданной Александру III, Баранов предлагал учредить российско-африканскую компанию для эксплоатации Абиссинии. «Местные богатства обещают добрую будущность для сбыта наших изделий и товаров»—писал генерал Баранов в этой записке. Но Ашинов «увлекся» и захватил принадлежавший Франции порт Обок, после чего был пойман в плен французами. Назревал дипломатический скандал. Царское правительство поспешило отказаться от Ашинова и сопровождавшего его архимандрита Паисия. Однако спустя 5 лет царское правительство вновь занялось абиссинской авантюрой—на этот раз с одобрения французского империализма и в союзе с ним. В 1894 г. в Судан и Абиссинию был послан агент русского правительства Леонтьев. После возвращения в Россию он образовал «духовную» миссию, которая отправилась в Абиссинию, как официально объявлялось, с целью подготовить почву для соединения церквей—русской и абиссинской[2]. В 1895 г. абиссинское правительство отправило в Петербург, в ответ на визит русской духовной миссии, целое посольство. В 1896 г. в Аддис-Абебе было учреждено русское представительство (Леонтьев). Абиссинские послы в синоде усиленно обсуждали вопросы объединения церквей. Обмен посольствами привлекал внимание всей европейской прессы. И немудрено. Архимандрит Ефрем писал весьма прозрачно: «Рядом с сближением на почве религиозной для нас представилась бы возможность воспользоваться дружбой и в политических интересах.

Наше отечество могло бы приобрести сильную позицию на Красноморском побережье, у впадения Чермного моря в Индийский океан. И тогда мы оказались бы в силах в случае надобности задержать Англию на границах Индии и обеспечить нашему флоту свободное прохождение в воды Дальнего Востока»[3].

Но чаяниям русского империализма не суждено было осуществиться. «Разбитая Японией Россия отказывается от своей доминирующей роли в мировой политике, сокращает представительство в Абиссинии и расходы на Абиссинию, устраняясь от прежней деятельности друга—покровителя»[4].

---

[1] Кохановский, цит. доклад Сазонову.

[2] Весьма подробно путешествие изложено в книге арх. Ефрема—главы русской миссии—«Поездка в Абиссинию», 1896.

[3] Указ. соч., стр. 154—115.

[4] «Новый Восток», № 5, статья Кохановского, стр. 326—327.

Нечего и говорить, что отказ этот был далеко не добровольным.

Под напором других империалистических государств—и в первую очередь Англии—побежденная Россия была вынуждена отказаться от многих своих прежних сфер влияния, что не помешало впрочем царизму активизировать свою великодержавную политику в других областях (например на Ближнем Востоке).

Англо-французская борьба за истоки Нила достигла своего высшего напряжения к концу XIX в. Зверски подавляя движение за независимость Судана, английская военная экспедиция, возглавляемая знаменитым впоследствии лордом Китченером (английским главнокомандующим во время мировой войны), двигалась из Египта с севера на юг, по направлению к верховьям Нила. В то же время с запада из французской экваториальной Африки к верховьям Нила продвигалась французская военная экспедиция. В 1898 г. обе экспедиции столкнулись у местечка Фашоды в Судане. Французские войска стали лицом к лицу с английскими войсками. Дипломатическая борьба переходила в вооруженную. Весь мир с напряжением следил за «инцидентом в Фашоде» и ожидал, что вот-вот вспыхнет первая большая империалистическая война между двумя большими империалистическими державами. Но французский империализм не чувствовал себя достаточно крепким, чтобы начинать войну. Франция капитулировала. Французское правительство приказало начальнику экспедиции отступить от истоков Нила.

Конечно, фашодский инцидент ни в какой мере не ослабил империалистических противоречий. Опасность империалистической войны была устранена только временно.

Спустя несколько лет после Фашоды коренным образом меняется вся международная политическая ситуация. Если до начала XX в., когда происходил раздел мира между империалистическими державами, основная линия противоречий проходила между двумя наиболее активными участниками этого раздела—Англией и Францией, то с начала XX в., когда раздел мира начерно был уже окончен и предстояли новые переделы, на сцену выступил германский империализм, и основная линия противоречий теперь легла между Англией и Германией. Общеизвестно, какими быстрыми темпами рос молодой германский империализм, как быстро развивались германская металлургия, судостроение, производство рельсов и снарядов, как быстро росла мощь германского монополистического капитала. Быстро растущий германский империализм проявлял неумеренные колониальные аппетиты, но его колониальная экспансия наталкивалась на барьеры, созданные повсюду старыми колониальными державами—Францией и Англией. «Место под солнцем» было занято, и Германия должна была добыть себе это место путем борьбы с более ранними захватчиками. Отсюда упорное наступление Германии на Ближний Восток—в Турцию, Месопотамию,

Персию, ее борьба за подступы к английской Индии. Отсюда ее борьба с Францией за гегемонию в Северной Африке, в Марокко. Отсюда деятельность Германии во всех частях Африки, в Китае, в Океании, тоже сталкивающаяся с интересами более старых империалистических держав.

Возникновение Антанты
Раздел Абиссинии на сферы влияния

Перед лицом растущих англо-германских и франко-германских противоречий отступают старые англо-французские противоречия. Эти противоречия, правда, реально нисколько не ослабляются. Но Англия и Франция вступают в гнилой союз, идут на взаимные уступки, создают империалистический блок—знаменитую Антанту, игравшую первую роль в организации первой мировой империалистической бойни и первой антисоветской интервенции. И создается Антанта именно для того, чтобы совместными усилиями дать отпор поднимающему голову германскому империализму. К этому гнилому, насквозь разъедаемому внутренними противоречиями блоку присоединяется после своего поражения в японской войне Россия и (в скрытой форме) Италия. Новые союзники спешат договориться между собой о «полюбовном» разделе колониального мира. Уже первый англо-французский договор об Антанте, заключенный в 1904 г., был типичным грабительским колониальным договором. Сейчас же вслед за этим договором начался раздел других сфер влияния. В 1906 г. было заключено «тройственное соглашение» между Англией, Францией и Италией, разделившее всю Абиссинию на сферы влияния этих стран, окончательно превратившее формально «независимую» страну в полуколонию иностранного капитала.

Несомненно, что это соглашение было обусловлено появлением новых империалистических соперников не только на мировой арене, но и в самой Абиссинии. В 1903 г. был заключен торговый договор между Абиссинией и САСШ. В 1905 г. был заключен договор с Германией—еще более грозным соперником для Англии и Франции, чем САСШ; в 1906 г. в Абиссинии было учреждено германское посольство. В 1905 г. был заключен договор с Австрией.

Формально тройственное соглашение признавало «полную независимость Абиссинии», державы обязались не нарушать ее «суверенитета» и впредь действовать в стране на общих для всех основаниях. Однако тут же Абиссиния была разделена на три «экономических» сферы влияния. Северная Абиссиния, граничащая с Эритреей, была признана зоной итальянской экономической деятельности, западная и южная Абиссиния—английской, восточная и центральная—французской. Таким образом это соглашение подводило итог целому этапу борьбы. Абиссиния была разделена между империалистами, была окончательно превращена в их полуколонию.

Караван

Борьба за Абиссинию в послевоенный период

Разграничение Абиссинии на экономические сферы влияния устанавливало лишь формальный мир между «великими державами».

Торговая экспансия европейского капитала в Абиссинии охватывала все более и более отдаленные уголки. Борьба между державами за преобладание в Абиссинии усиливалась.

Наряду с борьбой за абиссинский рынок с неослабевающей силой продолжалась борьба за концессии. Каждая империалистическая держава стремилась закрепить за собой командные высоты абиссинской экономики, и в этом своем стремлении она наталкивалась на аналогичные стремления других держав. В то же время обострилась борьба за обладание истоками Нила, в которую теперь вступил американский империализм.

Основным объектом экономической борьбы между империалистами явились абиссинские рынки и пути сообщения. Пути сообщения продвигают товарные массы. Поэтому концессия на строительство той или иной дороги обеспечивает хозяйственный контроль над всем тяготеющим к этой дороге районом.

Еще в 1894 г. французы, в виде компенсации за свой нейтралитет в абиссинско-итальянской войне и за снабжение Абиссинии боеприпасами, получили концессию на постройку железной дороги от порта Джибути вглубь страны. Приступить к постройке удалось лишь в 1897 г., после того как строившее дорогу акционерное

общество сумело сосредоточить в своих руках необходимые капиталы, преодолеть сопротивление Англии.

Участок дороги от Джибути до Дире-Дауа (306 *км*) был проложен в течение пяти лет и в 1903 г. открыт для движения. До 1909 г. дальнейшие работы не велись вследствие неустанной борьбы держав против усиливавшегося французского влияния. Однако после тройственного соглашения работы возобновились. С 1909 по 1917 г. дорога была доведена до Аддис-Абебы (еще 406 *км*). Общая длина дороги с подъездными путями составляет теперь 783 *км*. Таким образом было закончено строительство этой дороги, представляющей основную товаропроводящую артерию для наиболее важных районов Абиссинии—Харрар и Шоа[1]. На своем пути дорога пересекает Дире-Дауа—экономический центр богатейшей провинции Харрар, являющейся как бы преддверием горного плато, и заканчивается в Аддис-Абебе—абиссинской столице и центральном пункте провинции Шоа, к которой тяготеет экономически кроме того, и северо-восточный район—провинции Каффа и Годжам. В настоящее время через железную дорогу Джибути—Аддис-Абеба проходит около 70—75% всего внешнего товарооборота Абиссинии.

Железная дорога Джибути—Аддис-Абеба казалась французским империалистам прекрасным средством для монополизации торговли в центральных районах Абиссинии и вместе с тем сильнейшим орудием политического давления. Но по этой железной дороге в центр страны пошли не только французские товары. И хотя в областях Харрар и Шоа французские товары наиболее распространены, они испытывают жестокую конкуренцию со стороны товаров других стран. Иностранные торговые фирмы, попав в сердце Абиссинии, развернули там ожесточенную борьбу за преобладание на ее рынках. Если через железную дорогу проходит 70% всего абиссинского товарооборота в ценностном выражении, то на долю Франции едва ли выпадает 25%. Остальное приходится на долю Англии, Германии, Бельгии, САСШ, Японии, Италии и других государств. Тем не менее эта дорога обеспечивает руководящую роль империалистической Франции в абиссинском хозяйстве и политике.

Но если в центре страны укрепилась Франция, то на севере ее, на путях, ведущих к итальянской колонии Эритрее и к итальянскому порту Массауа (провинции Тигре, Ласта, Зебуа, Бегандер, Амхара, оз. Тсана), укрепилась Италия.

Тигре—одна из богатейших провинций Абиссинии с населением в 2½ 3 млн. человек. Итальянцы прилагали все усилия для захвата торговли в Тигре целиком в свои руки и почти добились этого. От Массауа до Азмары (столица Эритреи) и далее к Агордату проложена железная дорога. В настоящее время строится ветка от

---

[1] О росте грузооборота дороги см. приложение I.

Погонщик верблюдо

Агордата на юг до Ом-Хагера—местечка, расположенного на границе с Абиссинией. Таким образом железная дорога от итальянского порта подбирается к самым границам Абиссинии.

Параллельно этой железной дороге и в других направлениях по всей Эритрее проложены автомобильные дороги, подходящие к пограничным пунктам. При абиссинском бездорожье добраться с юга до Тигре довольно трудно, и поэтому весь север Абиссинии входит в сферу экономического влияния Италии, которая временно не испытывает там иностранной конкуренции. Порт Массауа по оборудованию не уступает Джибути. Девять десятых грузооборота Массауа имеют прямое отношение к северной Абиссинии, ибо итальянский ввоз в Эритрею лишь в незначительной доле предназначается для эритрейского населения (400—450 тыс. чел.).

Экономическая борьба между Францией и Италией развертывается в провинциях Уолло и Данакиль, граничащих с восточной частью Эритреи.

На юге Эритреи лежит небольшой порт Ассаб. Он соединен с областью Уолло путем, мало пригодным даже для караванного движения, проходящим по горным теснинам и бесплодным раскаленным пескам. Французам добраться до Уолло много легче, и французские товары с юга (от Аддис-Абебы на север и северо-восток по караванным тропам) проникают в Уолло не в меньших размерах, чем итальянские—транзитом через Тигре.

Стремясь вытеснить французский капитал из этого района, итальянцы приступили к постройке автомобильной дороги от Ассаба к центру Уолло—Дессие, длиной в 430 *км*. Часть пути до абиссинской границы (54 *км*) уже проложена. Смысл строительства заключается в том, чтобы ускорить переброску товаров в эту провинцию и тем самым затруднить доступ товарам конкурирующих стран. Строительство дороги означало объявление экономической войны Франции, и итальянское правительство долго не решалось на отпуск средств, необходимых для начала работ. Ярые сторонники активной колониальной политики обвиняли правительство в бездеятельности, неповоротливости и даже лени. «Наши соперники чувствуют себя защищенными от итальянской конкуренции нашей ленью» [1].

Французы между тем не теряли времени и самым быстрым темпом строили дорогу от Аддис-Абебы тоже к Дессие. Но когда были проложены 96 *км* пути, оказалось, что затраты на дальнейшее строительство невозможны вследствие труднейших почвенных условий (скалы) и вынужденных загибов в сторону. Строительство французской дороги было прекращено. В то же время итальянское правительство отпустило на 1930 г. 3½ млн. лир [2] на постройку дороги Ассаб—Дессие и переоборудование порта.

Не ограничиваясь этим, итальянцы подняли вопрос о постройке Трансабиссинской железной дороги от Ом-Хагера, местечка на абиссинско-эритрейской границе, до порта Кризимайо, в Итальянском Сомали, длиной около 1 500 *км*. Проект этой дороги существовал еще до войны 1914 г. В 1913 г. в области Гондар производились инженерные разведки, и в Милане для строительства дороги даже было создано Итало-африканское коммерческое общество, с капиталом в 25 млн. лир. Война помешала провести этот план в жизнь. Но можно с уверенностью сказать (судя по настроениям английской и французской довоенной печати), что эти державы при-

---

[1] La camionabile Assab -Dessiè, «L'otremare» № 10, 1929.
[2] Стоимость строительства по смете—12—15 млн. лир.

ложили бы все усилия для противодействия строительству. Пока разговоры остаются разговорами, но любопытен самый факт постановки вопроса для характеристики активных настроений воинствующего итальянского фашизма. Осуществление проекта дало бы Италии несомненный перевес над конкурентами в Абиссинии во всех районах.

Соединение же Эритреи с Сомали важно для итальянского империализма с точки зрения связи колоний между собой.

Английские империалисты тоже стремятся захватить в свои руки абиссинский рынок, усиленно развивая торговые сношения Абиссинии с Суданом. Учитывая дороговизну фрахта и медленность движения грузов, которые идут из Судана до пристани Гамбела (на реке Баро) пароходами, а оттуда караванами, англичане предпочитают построить железную дорогу, соединяющую пристань Гамбела с Горе, Меатто и другими пунктами западной горной Абиссинии. В 1928 г. английский трест Ethiopian Transport C⁰ Ltd приступил к постройке этой дороги. Новая дорога должна значительно изменить удельный вес Англии в абиссинском товарообороте. Кроме железной дороги англичане строят еще автомобильную дорогу от Горе к Гамбела (англо-греческий капитал). Географическое тяготение к Судану провинций Каффа и Годжам, при наличии удобных путей, обеспечивающих проникновение английских товаров, может превратиться в экономическое тяготение. Этим будет нанесен сильный удар влиянию Франции, забрасывающей в эти места свои товары из Аддис-Абебы.

Наконец Англия пыталась закрепить за собой абиссинский рынок с юго-востока из Британского Сомали. Некогда этот путь играл большую роль, но теперь он потерял почти всякое значение в связи с постройкой Джибутинской железной дороги. Попытки Англии отвлечь хотя бы часть грузопотока от Джибути к портам Британского Сомали—Бербера и Зейла, путем упрощения таможенного осмотра, оборудования порта в Бербере, понижения портовых сборов и транзитных пошлин не привели к желанному результату. На этом участке победил французский капитал с его обширной базой—Джибутинской дорогой.

Наряду с французским, английским и итальянским империализмом активную борьбу за абиссинский рынок ведет и американский империализм. Во время мировой войны американцам удалось захватить на рынке господствующее положение; американские товары можно было встретить везде. Лишь спустя несколько лет после войны удельный вес САСШ в абиссинской торговле несколько уменьшился.

Но американский империализм ведет борьбу не только за абиссинский рынок. Он стремится подчинить себе истоки Нила, соорудить гигантский резервуар на оз. Тсана, чтобы при помощи мощной

сети каналов превратить Абиссинию в богатейшую американскую тропическую плантацию.

Озеро Тсана дает ежегодно в среднем 3 500 млн. *куб. м* воды. Американская фирма Уайт Корпорейшен в 1927 г. предложила построить на озере плотину, которая должна увеличить подачу воды до 8 000 млн. *куб. м* в год. Стоимость сооружения оценивалась в 20 млн. долл. Абиссинское правительство было склонно принять американское предложение. Но тут вмешалась Англия, и вопрос об озере Тсана вырос в крупный конфликт. В чем заключается политическое значение этого вопроса? Воды из озера поступают в Голубой Нил, который на территории Судана сливается с Белым Нилом. Совершенно ясно, что американцы вовсе не собирались подарить Судану и Египту несколько лишних миллиардов кубометров воды, для того чтобы англичане смогли даровой водой оросить новые области в пределах своей территории. Американцы предполагали весь новый запас воды использовать для себя — для орошения местности, лежащей между озером и Суданской границей, в которой они становились полными хозяевами. Постройка плотины представляла только часть обширного плана американского империализма, сводящегося к приобретению «мирным путем» нового огромного района на северо-западе Абиссинии и к созданию новой колонии в Африке. Однако Англия тоже подбиралась к истокам Нила, тоже проектировала соорудить здесь грандиозную плотину. К 1927 г. притязания Англии стали особенно настойчивы. Перед абиссинским правительством возникла совершенно реальная угроза захвата англичанами истоков Нила, под предлогом «необходимости обеспечить жизненные интересы Судана и Египта. Египетские националисты расценивали попытки Англии овладеть озером и построить там плотину как желание сделать Судан центром производства хлопка для нужд английской текстильной промышленности, приобрести путем «регулирования» подачи воды в Египет орудие сильнейшего давления на Египет и заставить его пойти на полную капитуляцию, на отказ даже от фиктивной независимости. Англия не захватила истоков Нила в свои руки только потому, что в этом вопросе интересы Англии и САСШ столкнулись. Предоставив концессию САСШ, Абиссиния шла на разрыв с Англией. Но английский империализм поспешил реагировать на слухи об американской концессии. Из Лондона посылались ноты, предупреждения и даже угрозы. Американский империализм пошел на попятный. Для открытой схватки с Англией время еще не наступило, тем более что вопрос об истоках Нила представлял сравнительно второстепенное звено в общей цепи англо-американских противоречий. В июне 1930 г. был достигнут компромисс, в основном сводящийся к следующему: Абиссиния считается собственником сооружений, возводимых на оз. Тсана: пло-

тины строятся американской фирмой Уайт Корпорейшен; запас воды распределяется с таким расчетом, чтобы большая часть направлялась в Египет и Судан, за что суданское правительство будет платить в течение 50 лет особые водяные сборы, представляющие гарантию акций, выпускаемых для обеспечения американского капитала.

Но американские банкиры, финансирующие предприятие, остались недовольны соглашением. Снова начались переговоры. В итоге—строительство плотины на оз. Тсана еще не начато.

По сведениям английской печати, окончательное соглашение между американской компанией, суданским и абиссинским правительствами должно было быть подписано в октябре 1931 г. в Аддис-Абебе. Будут строиться не только плотина, но и дороги от Аддис-Абебы до Тсана и оттуда к суданской границе. Разведки уже произведены в 1931 г. американскими инженерами, присланными Уайт Корпорейшен. О результатах разведок в печать сведений не поступало. Если к сказанному прибавить, что американские советники занимают преобладающее положение в государственном аппарате, что Абиссинский банк находится под влиянием американского капитала, то картина усиленной деятельности американского империализма в Абиссинии станет вполне ясной.

Не надо думать, что тройственное соглашение 1906 г. положило конец попыткам политического раздела Абиссинии и новых территориальных захватов, что деятельность империалистов ограничивалась только экономической борьбой. Попытки провести новую интервенцию продолжались. Ни одна из держав не оставила намерения превратить свою «сферу влияния», свою полуколонию в полную, законченную колонию, и фактически эта интервенция совершалась, правда, в замаскированной форме. В той классовой борьбе, которая велась внутри Абиссинии на протяжении последних двух десятилетий, империалистические державы принимали активное участие, поддерживая различные группы абиссинских феодалов, разжигая между ними вражду и стремясь укрепить при этом свои политические позиции.

Наряду с экономическим господством империалистические державы стремились и стремятся установить над Абиссинией свое политическое господство. С этой целью они подняли крик об «анархии», царящей в Абиссинии, о рабстве. Рабство, как известно, существует и в английских и во французских колониях. Но об этом рабстве в империалистическом обществе не принято говорить. Когда же рабство существует в полуколониальной стране, то об этом рабстве поднимается крик—не для того, чтобы действительно с ним бороться, а для того, чтобы усилить империалистическое господство над этой полуколонией. Рабство в Абиссинии! Лига наций «вступает в борьбу» с этим рабством.

Она устанавливает свой «международный» контроль над Абиссинией. А так как Лига наций представляет орудие в руках крупных капиталистических держав и в первую очередь Франции, то этот «международный» контроль фактически является французским контролем, дает право Франции на вмешательство во внутренние абиссинские дела. Чтобы заставить Абиссинию подчиняться всем директивам Лиги наций, ее, по французской инициативе, втянули в Лигу. Это целиком соответствовало интересам Франции. Как страна, имеющая в Абиссинии наибольшие вложения, экономические и политические интересы, как «мировая держава», имеющая в Лиге наций наибольший вес и влияние, Франция использует аппарат Лиги наций с целью заставить Абиссинию принять те или иные «международные обязательства», выполнение которых выгодно для Франции.

Абиссиния не могла отказаться от участия в работе Лиги наций, так как существование рабства в стране, несмотря на декреты Менелика и подписанные ею ранее обязательства, могло быть легко засвидетельствовано в любую минуту. Отказ от участия в Лиге означал бы вызов «европейской цивилизации» и мог повести к неприятным последствиям. Поэтому абиссинское правительство согласилось принять предложение Франции. Но Англия и Италия, сопротивляясь политическим планам Франции, решили не допустить приема Абиссинии в Лигу наций и на сессии Лиги неоднократно выступали единым фронтом против предложения Франции. Англия, при поддержке Италии, доказывала невозможность принять Абиссинию вследствие того, что: 1) другие страны, находящиеся на более высокой ступени цивилизации (Новая Зеландия), не были приняты в Лигу наций; 2) Абиссиния не сокращает вооружений (!) и не выполняет разных международных постановлений об ограничении ввоза оружия нецивилизованными странами и т. д. Английский и итальянский послы в Аддис-Абебе не уставали напоминать абиссинскому диктатору Тафари о злонамеренном поведении Франции и разыгрывали роль защитников Абиссинии. Но это конечно никого не вводило в заблуждение. Французские империалисты в свою очередь указывали на попытки самой Англии захватить Абиссинию, ибо ясно, что господство над нею для британского империализма означало бы окончательное подчинение ему всей Восточной Африки от Египта до Южноафриканского союза. Железнодорожный путь Каир—Капштадт можно было бы проложить по прямой линии на английской территории с максимальной гарантией безопасности и создать тем самым постоянную угрозу французским владениям в Африке.

В конечном счете, на четвертом собрании Лиги наций (в сентябре 1923 г.) Абиссиния была принята в члены Лиги, и ей разрешили иметь своего представителя в Женеве. Но ввиду непре-

станного противодействия Англии и Италии, Франции не удалось до конца использовать все выгоды создавшегося положения.

Англия вплоть до наших дней остается противницей «равноправия» Абиссинии. Для обработки «общественного мнения» лживая империалистическая пресса не останавливается ни перед чем, чтобы доказать невозможность приема Абиссинии в члены женевского «святилища». Среди тех клеветнических выходок, к которым прибегают желтые продажные писаки, наиболее глупы попытки обвинить абиссинское правительство в коммунизме. Приводим дословно один из таких перлов (напечатан в английском журнале «East Africa», № 275 от 25 декабря 1929 г.).

«Абиссиния и советы»

«Происки коммунистов в Восточной Африке подтверждаются». Газета «Дейли Мейль» опубликовала следующее серьезное заявление от своего брюссельского корреспондента: «г-н Жозеф Дуйе, автор «Москвы без вуаля» — книги, которая срывает с Советской России ее внешний лоск и мишуру, является теперь генеральным секретарем C.I.L.A.C.C. (Международный центр активной борьбы против коммунизма) — организации, решившей сделать все возможное, чтобы расстроить большевистские махинации. Во всех частях мира, где бы большевики ни работали, C.I.L.A.C.C. имеет своих преданных агентов. Дуйе только что получил подробности советских планов о наступлении на Африку, которые большевики собираются проводить через Абиссинию. Большевики узнали в 1924 г., как он сообщает, что рас Тафари (тогда регент, теперь король) хочет добиться абиссинского трона и что он собирается совершить путешествие по Европе. Он был представлен в Греции Устинову, бывшему когда-то военным атташе в Швейцарии, и было решено, что большевики будут сотрудничать «дипломатически» с Абиссинией—«в борьбе последней против иностранного влияния». В этом году впервые Абиссиния послала за границу постоянных дипломатических представителей — во Францию, Англию и Италию, но они на самом деле являются советскими наемниками. Москва решила наложить свою лапу на Абиссинию, которую она рассматривает, как свои ворота в Африку. Британское влияние «должно быть уничтожено». На следующей сессии Лиги наций будет дискутироваться вопрос об окончательном допущении Абиссинии в члены, и если с этим согласятся, то большевики приобретут недурной козырь в игре».

Таковы те серьезные замечания, которые «Дейли Мейль» едва ли могла бы опубликовать без соответствующего изучения».

Рассматривать прием Абиссинии в Лигу наций как большевистскую победу—это предел идиотизма, до которого могла дойти только одуревшая от беспрерывного вранья империалистическая пресса.

Кроме кампании в печати, требующей вторичного обсуждения вопроса о пребывании Абиссинии в числе членов Лиги наций, Англия пытается использовать противоречия между Францией и Италией и создать англо-итальянский блок для борьбы с Францией в Абиссинии.

В 1925 г. Англия согласилась «поддерживать Италию в ее притязаниях на сооружение Трансабиссинской железной дороги (Эритрея—Сомали). Было даже заключено «англо-итальянское соглашение о разделе экономических сфер влияния в Абиссинии. Взамен Италия обязалась поддерживать британские притязания на сооружение плотины на оз. Тсана»[1]. Это соглашение было опротестовано Абиссинией (1 мая 1926 г.) в Лиге наций, и протест поддержан Францией. В результате соглашение практически не привело к каким-либо изменениям. Расстановка сил европейских держав остается прежней. Абиссиния попрежнему остается полуколонией иностранного капитала. И попрежнему иностранные державы ведут борьбу за раздел ее, за превращение в полную колонию.

---

[1] Л. Иванов, Англо-французское соперничество, 1919—1927, с. 102—104

Классы и классовая борьба в Абиссинии

Социально-экономический строй Абиссинии представляет пеструю смесь различных производственных укладов, различных социальных наслоений. С одной стороны, мы встречаем здесь (главным образом на окраинах) остатки патриархально-родового строя, кочевое хозяйство с ярко выраженным натуральным характером, первобытную коммунистическую общину. С другой стороны, в центральных провинциях—Шоа, Харрар—уже возникают зачатки капиталистического производства, закладываются плантации, строятся железные дороги, растет внешняя торговля. Но основным типом производственных отношений Абиссинии являются феодально-крепостнические отношения. Основная масса населения находится в феодально-крепостнической кабале у кучки помещиков, владеющих большими земельными массивами. Как и повсюду, значительную часть феодально-помещичьего класса составляют попы и монахи. Наряду с феодально-крепостническими отношениями в Абиссинии до сих пор еще сохранилось рабство. Но оно имеет второстепенное значение.

Основной, господствующий способ производства—феодальный.

Однако в результате империалистического проникновения абиссинский феодализм теряет многие свои характерные черты.

Сельское хозяйство Абиссинии в значительной степени товаризовано, оно производит товары на внешний рынок. Развиты денежные отношения. Рента и налоги взимаются в денежной форме. Создается внутренний рынок, правда, целиком приспособленный к интересам внешней торговли. Феодально-крепостнические отношения существуют наряду с относительно развитым рынком, с относительно развитой торговлей, наряду с подчинением командных высот экономики империализму. Иными словами, под напором империализма феодальная формация начинает видоизменяться, начинает гнить и разлагаться. Но в то же время империализм сохраняет эту гнилую и разлагающуюся формацию, сохраняет феодально-крепостнические отношения, узаконивает феодально-крепостнические формы эксплоатации. И это гниение абиссинского феодального хозяйства при сохранении его гнющих форм, без перехода к высшим хозяйственным формам, представляет основное противоречие существующего в Абиссинии социально-экономического строя. В этом отношении Абиссиния неодинока: в ней повторяется процесс,

типичный для огромного большинства колониальных и полуколониальных стран. Загнанная экономической политикой империализма в безнадежный тупик, в конец добитая мировым экономическим кризисом, Абиссиния должна будет искать выход из этого тупика. И она уже начинает искать его—об этом свидетельствуют крестьянские восстания в Абиссинии, внешне носящие пока еще реакционный характер, но революционные по существу.

Задача настоящей главы—поставить основные проблемы развития Абиссинии. Для того чтобы решить эти проблемы, наша наука еще не в достаточной степени изучила эту страну, но наметить решение этих проблем—уже сейчас можно и необходимо.

Уже сейчас можно показать характер абиссинского феодализма и остатков патриархально-родового строя, показать, как существовавшие экономические и политические отношения видоизменялись в результате империалистического проникновения, в какой тупик это привело страну и на каких путях Абиссиния должна будет искать выход из этого тупика.

Докапиталистические отношения

Остатки патриархально-родового строя

Остатки племенного патриархального строя сохранились главным образом среди кочевых племен и лишь отчасти среди оседлого населения—в глухих местах, в горах, на окраинах страны.

Но сохранились они далеко не в чистом виде. Нельзя представить себе первобытное племя, живущее совершенно обособленно от остального населения страны, не соприкасаясь с ним. Каждое такое племя находится под воздействием окружающей среды, т. е. под воздействием тех производственных отношений, которые господствуют в стране, и меновых связей, в которые оно вступает с соседним населением. Поэтому патриархальный уклад разлагается и заменяется новым—феодальным. Происходит переход от одного способа производства к другому.

В Абиссинии встречаются племена, находящиеся в стадии распада патриархального строя и перехода к новым, феодальным отношениям. Из нескольких родов, составляющих племя, в силу различных причин, главным образом в силу захвата основных средств производства, выделяется один род, который является господствующим. Внутри этого рода конечно тоже происходит процесс расслоения—власть постепенно переходит к одному лицу, и большая часть собственности, представлявшей ранее коллективную собственность рода, также концентрируется в одних руках.

Родовой старейшина

Род, являющийся господином,—ведущий: от решения его старейшин зависит переход всего племени на новое место, вопрос о войне с другими племенами и т. д. Первоначально собственность носит коллективный характер. Лишь на следующей стадии развития возникает индивидуальная собственность, возникают феодальные отношения, при которых господином и подчиненным, сеньором и вассалом являются отдельные лица.

Среди кочевых племен, занимающихся преимущественно скотоводством, еще до оседания их на земле, также складываются феодальные отношения; вместо коллективной устанавливается частная собственность на скот.

При оседании кочевого племени на землю производственные отношения, сложившиеся в условиях скотоводства, сказываются на отношении к земле как к основному средству производства. Эти отношения принимают две формы. Или вся земля считается коллективной собственностью ведущего рода (как например у пле-

меш араэ); род этот выбирает себе наилучшие угодья, раздает участки подчиненным ему родам, и владение землей носит коллективный характер. Или же в результате расслоения в рамках рода земля дробится на индивидуальные участки, и происходит постепенный переход к мелкой частной собственности одновременно с процессом ее концентрации.

Существуют племена, где отношения господина и подчиненного складываются не между коллективами (род), а между отдельными людьми—персонифицируются (например скотоводческое племя менса, богос и др.). Вассал не имеет права менять сеньора. Удаляться за пределы племени он может только по разрешению господина за известную плату (скотом). Владение пастбищами—коллективное, все имеют равные права на воду и леса. Личную собственность могут продавать, но сначала людям своего племени.

Племя кунама например—«свободная ассоциация свободных людей»[1]. Важные вопросы решаются собранием племени, где все имеют право высказывать свои мнения (вопросы войны, мира, переход в другое место, суд). Племя задето меновыми отношениями. Коллективная собственность уже разложилась, но частная собственность еще не оформилась окончательно. Занимаемое пастбище общее, но если один член этого племени сам обрабатывает землю, то он пользуется один плодами своего труда.

Приведенных примеров достаточно, чтобы показать наличие в Абиссинии остатков патриархально-родового строя, разлагающегося под влиянием господствующих феодальных форм общественно-экономической жизни и медленного развития внутреннего рынка.

Феодальный строй

По сообщениям древних абиссинских летописей можно установить, что оседание на землю, массовый и постепенный переход племен к оседлому образу жизни происходил в начале нашей эры. Уже в то время начинали складываться, а к VIII—X вв. сложились социальные отношения, которые уцелели в Абиссинии до наших дней почти в неизменном виде,—отношения, которые мы называем феодальными. Члены рода или племени подчинялись вожаку, окруженному когортой избранных и сильнейших воинов. Выделение вожака происходило потому, что он выполнял общественные функции: «решение споров; подавление захватов

[1] Carlo Conti Rossini, Principi di diritto consultudinario dell' Eritrea, p. 777.

Абиссинка с рабыней

отдельными личностями излишних прав; надзор за водоемами... наконец, религиозные функции»[1].

Экономическое неравенство среди членов рода усиливалось. В руках вожака (и его приближенных) стекались приношения и подарки от ищущих защиты или платящих дань. Зачастую в лице вожака соединялись сильнейший воин, жрец и судья. Обязанности толкователя велений божеств, т. е. жреца, были также довольно выгодны.

Но постепенно вождь «из слуги превращался в господина». «Его самостоятельность по отношению к обществу со временем усиливалась до господства над обществом». И это происходило потому, что постепенно он становился монополистом на основные средства производства. Он превратил общую племенную собственность в свою, частную феодальную собственность. На этой основе в Абиссинии возникло феодальное землевладение — феодальный строй.

---

[2] Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 165.

Государственная

В настоящее время земля в Абиссинии сосредоточена почти целиком в руках феодалов-помещиков. Размеры крестьянской земельной собственности ничтожны. Большинство крестьян арендует землю у помещиков. В иных случаях крестьянин вынужден просить землю в аренду, так как ему нехватает своей; в других случаях помещик сам заставляет крестьянина взять у него землю в аренду, даже если последнему придется из-за этого не полностью обработать собственный участок.

Тут же, поблизости от крестьянских земель и жилищ, тянутся земли, принадлежащие помещику-феодалу. Он для крестьянина значит больше, чем негус всей Абиссинии или провинциальный рас[1]. На него, даже по закону, крестьянин работает один день из четырех.

По закону вся земля принадлежит верховному властителю—негусу Абиссинии, который передает ее по своему усмотрению во временное пользование властителям провинций и другим лицам. На деле же вся земля закреплена давным-давно за определенными лицами и передается ими по наследству. Абиссиния покрыта сетью таких маленьких, а иногда и больших замкнутых мирков, в пределах которых крестьянин совершенно бесправен и целиком зависит от воли помещика. Помещик содействует агентам правительства (старостам) в собирании налогов с крестьян. Старосты—«шумы»—подчиняются лишь расу провинции. Должности старост учреждены правительством с целью контроля, для того чтобы львиная доля налогов, взимаемых с крестьян в пользу государства, не задерживалась в карманах помещиков, а, непосредственно минуя их, поступала бы в казну. Фактическое же положение дел не соответствует намерениям правительства. Старосты зачастую играют роль управляющего, доверенного лица помещика и следят гораздо больше за исправным исполнением крестьянами барщины, чем за поступлением десятины государству. Не малая часть десятины попадает в карман и к шуму и к помещику. Крестьянину не к кому итти с жалобой на незаконные действия, притеснения или поборы помещика. Никому—ни расу, ни старосте—невыгодно ссориться с всемогущим феодалом. Помещик может отправить крестьянина в войско самого негуса, разорить его семью и присоединить его землю к своей. Ему никто не воспрепятствует. Уходить крестьянину некуда; если он захочет заняться обработкой земли в другом месте, то окажется, что она принадлежит другому феодалу и тот не замедлит заявить о своих правах. Или же, если бы он пожелал примкнуть к кочевому племени, то оно не приняло бы его, как инородца, опасаясь неприятных последствий. Номинально крестьянин свободен, фактически он крепостной.

[1] Рас—наместник провинции.

Абиссинский епископ

Рабство и крепостничество

Официально работорговля -покупка и продажа людей в Абиссинии запрещена законом и подлежит наказанию смертью. Абиссинское правительство подписало различные международные обязательства по борьбе с рабством. Но на самом деле оно существует. Пленники, захваченные во время набегов на непокорные племена, не желающие платить налогов, и дети, рожденные от рабов, составляют главный контингент рабов. Захваченных пленников провинциальный рас раздает феодалам, помогавшим ему в войне. Владеют рабами только земельные магнаты и купцы. Рабы составляют «дворню» помещиков, а также используются ими для работы на полях. В Абиссинии, быть может, и нет открытых невольничьих базаров, но рабов обменивают, передают другому хозяину за долги и т. п.

Положение крестьян мало чем отличается от положения ра-

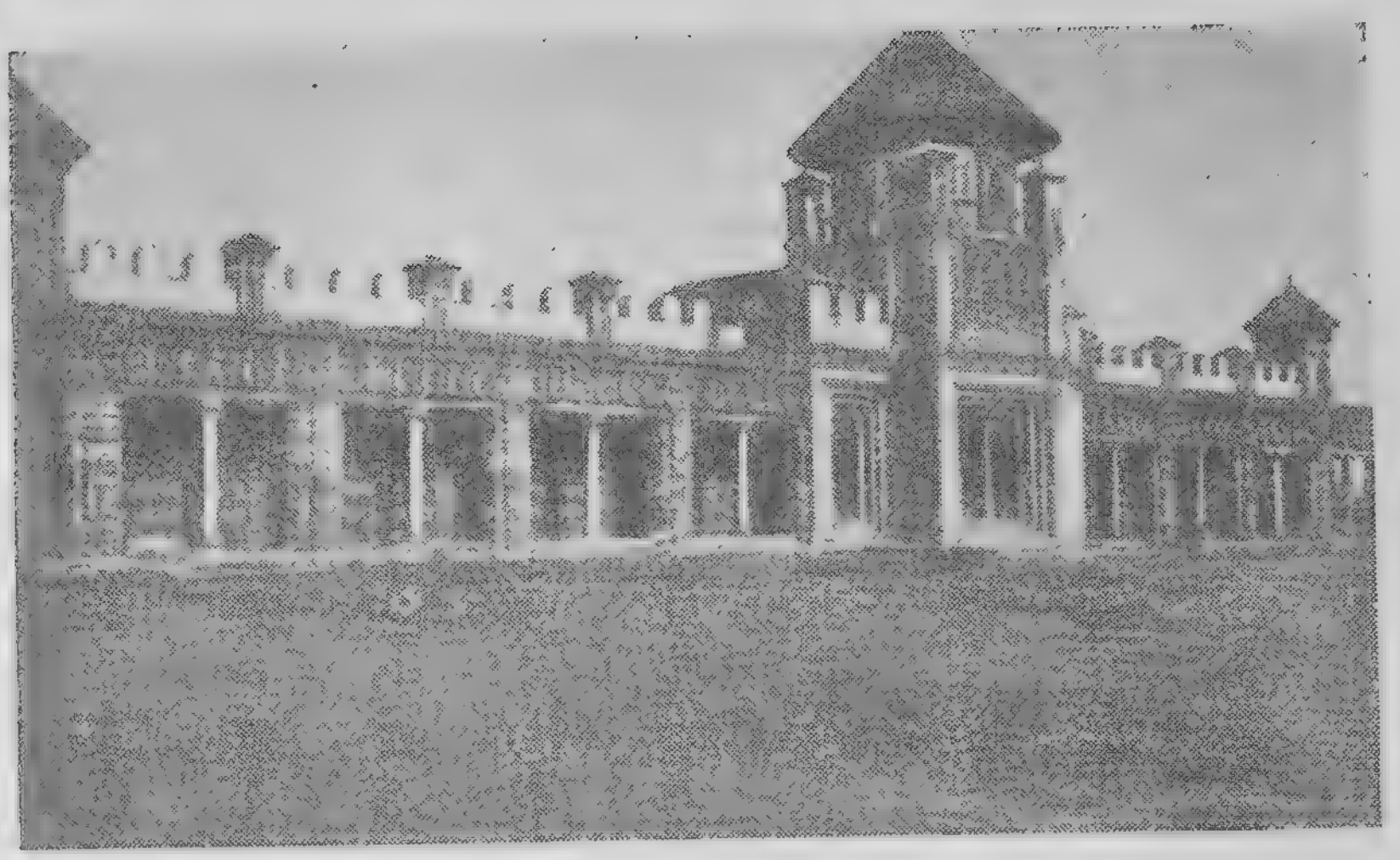
бов. Множество крестьян находится у помещика в кабале за долги, неуплату аренды, невозврат ссуды. Они не могут никуда двинуться и прикреплены к нему и его земле. Процесс закрепощения крестьян особенно усилился под влиянием развивающихся меновых связей. Помещик заинтересован в максимальной эксплоатации крестьян для выколачивания присваиваемого им добавочного продукта, который ему нужен для обмена. Если крестьянин попытается убежать с земли, оставить долг неоплаченным или не исполнить приказа помещика, то ему грозит жестокое наказание. На стороне помещика церковь, суд, местные власти и его собственная дружина.

Феодальные отношения в Абиссинии, уклад жизни, созданный ими, быт—все это вросло корнями в далекую старину. Класс феодалов-помещиков и военная клика составляют неразрывное целое и представляют собой внушительную политическую силу, не желающую изменения существующего порядка вещей, способную цепко держаться за старое и противостоять новому.

Духовенство—опора феодализма

Одним из наиболее крупных феодалов является современная абиссинская церковь, представляющая совершенно самостоятельный и независимый институт. Формально абиссинская церковь составляет часть александрийской или коптской церкви в Египте. Но зависимость ее от последней ничтожна, номинальная связь ни к чему не обязывает и ограничивается тем, что абиссинский епископ назначается коптской церковью из египтян. Что этот момент действительно не играет никакой роли, подтверждается хотя бы тем, что присланный епископ не имеет права покидать Абиссинию и, если он хочет иметь хоть какое-нибудь действительное влияние и положение, то он должен плыть в фарватере церковной политики, направляемой местными духовными воротилами. Присланный епископ ведает только чисто религиозными вопросами догматического и теологического характера; дела, касающиеся церковной собственности, монастырей, управления иерархией, находятся в руках двух его помощников, представителей местного духовенства. В результате длительного пребывания на посту «хранителя единой истины», принимая активное участие в экономико-политической жизни страны, поддерживая феодалов, церковь приобрела громадные богатства. Феодалы щедро награждали полезного союзника земельными угодьями. Около одной трети всех земель Абиссинии сосредоточено в настоящее время в руках церкви. Исключительно интересную характеристику абиссинской церкви дает английский путешественник Рей.

«Благосостояние и влияние церкви исключительны. Размеры церковных земель огромны: монастыри, церкви, обители не только



Абиссинская церковь

покрывают всю страну, но им принадлежат большие пространства земель, и доходы, собираемые с них, употребляются на содержание почти невероятного числа монахов, священников и дьяконов. Количество этих людей, как мне передавали абиссинцы, превышает миллион - я едва этому могу поверить, но я убежден, что свыше четверти всего мужского абиссинского населения принадлежит к этой категории паразитов. И паразитами они являются потому, что они не служат полезным целям и существуют на налоги, собираемые с людей, работающих на земле: они не работают сами и даже освобождены от военной службы. Они почти все невежественны и неграмотны, лишь некоторые из них могут читать, очень немногие могут писать».

Тот же Рей пишет:

«Далеко не в интересах Абиссинии, что духовенство, такое, какое оно есть, имеет так много силы и влияния. Это происходит по различным причинам- -традиции, богатству, земельной собственности, а также и потому, что священники (или некоторые из них) являются единственными людьми в стране, понимающими древний язык гез, на котором написан свод законов (Фетха Надревний язык гез, на котором написан свод законов (Фетха Негаст) и другие подобные книги. Это дает им огромное преимущество и ведет к тому, что они являются обязательными помощниками всех судей, которые находятся целиком в их руках».

Ясно, что, располагая огромными земельными и иными богатствами, являясь единственным толкователем законов, церковь в Абиссинии представляет собой реакционную силу большой мощ-

ности. Вполне понятно, что «они (церковники), подобно духовенству других церквей, резко сопротивляются прогрессу и нововведениям...» (там же).

Свои «кадры» церковь черпает исключительно из абиссинцев — преимущественно детей феодалов, чиновников, военных и воспитанников многочисленных монастырей. Таким образом церковная организация носит кастовый характер. Галас не может быть попом. Да и бедняк крестьянин, будь он чистокровным абиссинцем, тоже не будет допущен в попы, хотя монахом он стать может.

Реакционная роль духовенства во внутренней политике выражается в стремлении стабилизировать существующие социальные отношения и сохранить экономическую базу, на которых они построены.

Командные высоты империализма в Абиссинии

Империализм не изменил существующих в стране производственных отношений. Наоборот, он способствовал закреплению феодально-крепостнических отношений, так как ни создание национальной промышленности, ни ликвидация феодальной собственности не соответствовали эксплоататорским интересам империалистов. Однако империализм внес перемены в хозяйственную жизнь Абиссинии.

Натуральный уклад хозяйства рушится. Если раньше крестьянин снабжал своего помещика воском для освещения его дома в размерах, необходимых помещику лично для себя, то теперь помещик требует с него больше воска и заставляет очистить этот воск, ибо он нужен ему не только для себя, но и для продажи. То же самое происходит и с кофе и со скотом. Сельское хозяйство товаризуется. Образуется внутренний рынок, приноровленный к нуждам внешней торговли. И это ведет к закреплению крепостнических отношений.

Империализм внес в Абиссинию много нового. Караван верблюдов идет из Аддис-Абебы в Джибути 40 дней, караван мулов 20—25; поезд пробегает расстояние между этими пунктами в 3 дня. Необычайно ускорился темп товарооборота. В городах организованы иностранные коммерческие агентства, торговые дома. Увеличился спрос на абиссинские товары, укрепились связи с мировым рынком. Меновые отношения усложнились, даже отдаленные уголки страны были втянуты в развивающийся товарооборот. Но изменились ли методы обработки почвы, интенсифицировалось ли сельское хозяйство, наконец изменялись ли под влиянием империализма отношения людей в процессе производства? На все эти вопросы следует ответить отрицательно.

Знатная абиссинка

В основном сохранился примитивный уровень земледелия. И если немногие помещики даже заставили своих крепостных разводить кофе на плантациях, то земля попрежнему осталась в руках помещиков, барщина сохранилась попрежнему, эксплоатация крестьян, работающих на плантациях, лишь усилилась. Способ производства остался в основном тем же. Новые автомобильные дороги, мостовые в городах, двухэтажные дома, радиостанции, телефонные провода, поезда и железнодорожные линии—меняют лицо Абиссинии, ее внешний вид, но не ее феодальное бытие. Форма торговой практики усложнилась: вместо простой купли-продажи абиссинский купец стал прибегать к кредиту, векселям, банкнотам. В Абиссинии появился даже банк. Но все это новое используется империализмом для еще большего порабощения трудового населения Абиссинии, для увеличения своих прибылей.

Если раньше командные высоты экономики находились в руках феодалов, то теперь с изменением их характера, с внедре-

нием товарно-денежных отношений, они переходят в руки иностранного капитала.

Иностранный капитал «вливается здесь преимущественно в сферу торговли, функционирует... в качестве ростовщического ссудного капитала и преследует задачу... полного контроля над якобы независимыми государственными органами туземной буржуазии»... «Импортируемые капиталы сосредоточиваются... на захвате и добыче сырья или его первичной обработке. Они используются для расширения системы путей сообщения, облегчающих выкачку сырья»... «Монополизировать всю внешнюю торговлю... и таким образом подчинить своему контролю и регулировать все каналы, связующие колониальное хозяйство с мировым рынком»—таково основное «стремление различных монополистических групп финансового капитала», действующих в Абиссинии. На примере Абиссинии все эти положения VI конгресса Коминтерна находят яркое подтверждение. Действительно, прежде всего иностранный капитал идет во внешнюю торговлю и стремится монополизировать ее. Затем иностранный капитал проводит железные и автомобильные дороги, получает концессии, дающие ему монопольное право на захват и добычу минерального сырья, выкачивает с.-х. сырье (главным образом кофе), наконец подчиняет своему контролю абиссинский банк, государственные финансы и туземный государственный аппарат.

Внешняя торговля

В 1923 г. Рей писал: «Вся экспортная и импортная торговля Абиссинии составляет 2 250—2 500 тыс. англ. фунтов—смешная цифра для страны таких размеров, населения и природных ресурсов, как Абиссиния» (с. 195).

Для Рея, английского буржуа, сознание которого сложилось в развитом товарно-капиталистическом обществе, эта цифра только смешна.

На самом деле при господствовавшем в Абиссинии до последнего времени натуральном хозяйстве и при примитивных формах обмена эта цифра совсем не мала. Она говорит как раз о тех сдвигах, которые были охарактеризованы выше.

Еще в 1909 г. внешний товарооборот Абиссинии составлял всего лишь 200 тыс. ф., в 1916—500 тыс. ф. Но в 1923 г. товарооборот достигает уже 3 млн. ф. (по Рею 2,5); в 1927 г. он составляет 7 млн., а в 1928 г.—9,2 млн. ф.

Вплоть до начала кризиса размеры товарооборота продолжают увеличиваться.

Главнейшими экспортными товарами Абиссинии являются кожи и кофе [1].

Однако положение абиссинской продукции на мировом рынке непрочно. Здесь сказывается социальная и техническая отсталость Абиссинии. Несравненно более высокий уровень капиталистической техники обеспечивает европейским и американским товарам большую конкурентоспособность по сравнению с товарами колониальной, отсталой Абиссинии. И если сбыт абиссинских продуктов до наступления мирового экономического кризиса все же рос из года в год, то это объясняется, с одной стороны, высоким качеством абиссинской продукции (кофе); с другой стороны, тем, что при этом проводилась жестокая эксплоатация абиссинского крестьянина.

Из импортных товаров на первом месте стоит текстиль—простая белая ткань или абугедид, употребляемая для изготовления шиаммы (абиссинского платья) [2].

В предшествовавшей главе мы уже писали о борьбе за абиссинский рынок между важнейшими империалистическими державами. Так как основным импортным товаром является текстиль, борьба шла и идет главным образом за сбыт тканей. В годы войны американские ткани не знали конкурентов. Рынки Адена, Джибути, Аддис-Абебы и всех других крупнейших торговых центров Восточной Африки (а кстати сказать и всего Ближнего Востока—Турции, Сирии и др.) были наводнены американскими товарами, не столько вытеснившими, сколько заменившими отсутствовавшие английские, французские и итальянские ткани.

Это объяснялось прежде всего особенностями военной конъюнктуры. Но вскоре, в первые годы после войны—1918—1920 гг.,— появился грозный конкурент—Япония, быстро занявшая место Америки. Японские ткани стоили дешевле американских.

После войны, как известно, борьба за рынки в мировом масштабе не только не уменьшилась, но еще больше обострилась, особенно в связи с кризисом 1920—1921 гг. Рационализация производственных процессов и техническая реконструкция французских и главным образом итальянских фабрик в период 1922—1925 гг. позволила Франции и Италии снова появиться на абиссинском рынке с предложением еще более дешевых тканей, нежели японские.

Таким образом капиталистическая рационализация способство-

---

1 В довоенное время в больших количествах вывозился воск, закупаемый Россией, но после войны его вывоз заметно сократился. Известную роль играл вывоз слоновой кости, но вследствие хищнического истребления слонов количество их сильно уменьшилось, и вывоз упал.

2 Данные о ввозе других товаров см. в приложении II.

вала еще большему обострению противоречий между капиталистическими странами, еще более ожесточенной борьбе за рынки. В настоящее время как импортер текстиля в Абиссинию на первом месте стоит Италия, за ней идут Япония, САСШ и Франция, дающие примерно одинаковые количества. Конкуренция настолько остра, что ее можно сравнить с экономической войной.

Данные, характеризующие объем внешнего рынка, недостаточно полны, так как они не учитывают контрабандную торговлю. Между тем, по утверждению авторитетных знатоков страны, контрабандная торговля составляет не менее 15% всего товарооборота. В Абиссинию везут контрабандой спирт, водку, патроны, оружие, из Абиссинии—золото, платину, драгоценные камни, черное дерево, слоновую кость и пр.

Что касается соотношения между ввозом и вывозом, то, судя по данным Джибутинской ж. д., внешняя торговля Абиссинии носила пассивный характер. Однако если принять во внимание контрабандную торговлю и торговлю северной Абиссинии, идущую через Эритрею, то можно констатировать, что вплоть до мирового экономического кризиса торговый и денежный балансы Абиссинии находились в состоянии относительного равновесия[1].

Абиссинская внешняя торговля целиком находится под контролем иностранного капитала. Отдельные импортные товары представляют монополию иностранных трестов. Так например ввоз соли составляет монополию французской соляной компании, которая владеет в Джибути крупными солеварнями, покрывающими весь абиссинский спрос. Монополия была куплена у абиссинского правительства за 400 тыс. долларов. Ввоз керосина и бензина фактически монополизирован Шеллом—ан-

---

[1] Сравнительное экономическое значение основных товаропроводящих путей видно из следующего. В 1927 г. из оборота в 7 млн. фунтов на долю Джибути приходилось 80%, Эритреи — 15,3%, Судана—2,9%, Британского Сомали—1,2% и Итальянского Сомали—0,5%.

Для более позднего времени имеем следующие данные (в фунтах):

	Импорт		Экспорт	
	1929 г.	1930 г.	1929 г.	1930 г.
Через Джибути	49 092	42 162	21 538	24 950
Через Судан, Эритрею, Италию, Сомали, Кению . .	16 364	14 000	7 180	8 300

Таким образом и в 1930 г. 75% всего товарооборота проходило через Джибути. Этиданные лишь отчасти показывают участие отдельных стран в торговле с Абиссинией. Распределение всего оборота по странам (1927 и 1928 гг).

Воин

глийским мировым нефтяным трестом[1]. Сбыт текстиля и закупка абиссинской продукции представляют объект борьбы между различными монополистическими группами. В самой Абиссинии действует ряд иностранных— итальянских, французских, американских, английских—торговых фирм. Наряду с ними торговлю с Абиссинией ведут иностранные фирмы, расположенные в Эритрее, в Сомали, в Судане. Все эти фирмы имеют по всей Абиссинии широкую агентуру среди компрадорской буржуазии—индийцев, арабов, греков, сирийцев, армян, а отчасти и абиссинских

было примерно следующее: Франция 30%, Италия 25%, САСШ 10—12%, Англия 10—12%, Япония 10%, Германия 5—7%, Бельгия 3—4%. В связи с мировым экономическим кризисом это соотношение несколько изменилось. В частности увеличились обороты с Англией через Судан. Мы не имеем однако точных данных, позволяющих установить повышение или понижение удельного веса той или иной страны в абиссинском товарообороте.

[1] Потребление нефтепродуктов впрочем незначительно вследствие отсутствия промышленности и ничтожного количества автомобилей (50—100 шт.)

купцов, которые в большинстве случаев «работают» на чужой, хозяйский, европейский капитал, выполняя функции посредников, коммивояжеров, агентов-представителей.

Внешняя торговля представляет рычаг, посредством которого иностранный капитал господствует и над внутренним рынком и над всем народным хозяйством Абиссинии. Впрочем внутренний рынок Абиссинии в достаточной мере ограничен, его развитие наталкивается на существующие в абиссинской деревне феодально-крепостнические отношения, и в основном он представляет лишь придаток к внешней торговле.

Промышленность

Наряду с торговлей иностранный капитал подчинил себе промышленность, точнее добывающую, горную промышленность, предприятия «по захвату и добыче сырья». Напротив, обрабатывающую промышленность он разрушил. Правда, эта промышленность и сила примитивные ремесленные и кустарные—формы. Под напором импортных товаров—и в первую очередь таких товаров массового потребления, как ткани—она была почти сметена. Остались лишь второстепенные отрасли ремесла, производящие деревянные изделия (арбы, мебель), корзинки, посуду или же художественные предметы: седла, уздечки, кресты, браслеты, сережки и т. д. Кроме того на месте сохранились первичная обработка продуктов сельского хозяйства винокурение, примитивная обработка сырых кож.

Ремесленный труд в Абиссинии не организован. Цеховых объединений нет. Кустари являются мелкими рыночными торговцами и сами продают свои изделия. Местные купцы (обычно владельцы караванов) закупают у ремесленников их продукцию и развозят по стране, обменивая ее у кочевых племен на шкуры, слоновую кость, у оседлого крестьянства—на кофе, кожи, воск и другие с.-х. товары. Но везут с собой эти купцы не только изделия местного ремесла, а главным образом европейские товары—ткани, спирт, посуду, металлы, оружие и т. д.

В общем, несмотря на благоприятные естественные предпосылки для развития промышленности, в Абиссинии наблюдается процесс распада ремесла. Совершенно вытеснены такие ремесла, как выделка оружия и металлических изделий, ткачество, почти вытеснено гончарное дело. Между тем еще 50 лет тому назад Абиссиния славилась качеством своего холодного оружия. Большое число ремесленников занималось ковкой наконечников для копий, ножей, сабель и т. п. Благодаря своему хлопку и шерсти Абиссиния одевалась сама. Теперь же немногочисленные ткачи тратят много месяцев на изготовление и ювелирную отделку одежды по особым заказам для феодалов или попов, но они совершенно

Гончарное производство

отказались от производства обыкновенных дешевых тканей для широкого потребления, так как ткани кустарной выделки не могут конкурировать с привозными. Гончарное производство разрушается, так как привозная посуда продается дешевле туземной.

Кустарная промышленность Абиссинии разрушается, но на ее месте не создаются фабрики и заводы современного типа. Монополистический капитал прежде всего рассматривает Абиссинию как рынок для сбыта своей продукции и всемерно препятствует росту национальной промышленности.

Зато монополистический капитал охотно захватывает сырьевые концессии, концессии по разработке горных недр.

По последним итальянским данным[1], абиссинское правительство предоставило в разное время иностранным капиталистам—грекам, американцам, итальянцам, немцам—до 13 концессий. Разрабатываются из них однако в настоящее время только 1. Греческий капиталист Суниос ведет в Харраре разработку слюды; на севере Абиссинии итальянец Андриано Пастори имеет предприятие по добыче поташа—концессия в 50 *кв. км* дана ему сроком на 50 лет[2].

Крупнейшим европейским концессионером является Альберто

---

1 «Rassegna economica delle colonie», № 1—6, 1929, Le concessioni minerarie in Abissinia.

2 В 1929 г. концессия была передана им для эксплоатации специальному Societá mineraria coloniale de Torino.

Прассо. История его концессии довольно любопытна[1]. Авантюрист, всю жизнь в погоне за наживой проведший в экваториальных странах, Прассо разыскивал золото и алмазы; бродя по Родезии и Катанге, он видел старинные заброшенные рудники, из которых по преданию древние египтяне и другие, ныне исчезнувшие народы, добывали золото. Прассо начал искать заброшенные рудники, и в Абиссинии он действительно нашел в изобилии платину и золото. Прассо получил от абиссинского правительства две концессии[2] и работал сначала кустарным способом.

В 1926 г. он учредил компанию в Париже[3] с основным капиталом в 9—10 млн. франков и модернизировал методы добычи. В 1926 г. было добыто 20 кило платины, в 1927 г.—50, в 1928 г.—100, в 1929 г.—200.

В результате концессионной деятельности в Абиссинии создаются кадры горнопромышленного пролетариата. На концессиях работает несколько тысяч рабочих туземцев. Условия жизни рабочих исключительно тяжелые. Жизнь в бараках, грошевая зарплата под наблюдением надсмотрщиков-европейцев, жуткая эксплоатация—все это не отличается от жизни рабов и жертв принудительного труда на других колониальных плантациях и приисках. Обслуживающие железную дорогу туземцы—грузчики, рабочие ремонтных мастерских и депо—находятся не в лучшем положении.

Пути сообщения

«Импортируемые капиталы используются для расширения системы путей сообщения (железных дорог, сооружения портов и т. д.), облегчающих выкачку сырья и еще более тесно связывающих колонии с метрополиями». Это положение, взятое из решений VI конгресса Коминтерна, было подтверждено фактами еще в прошлой главе.

Разве не превратили французские империалисты железную дорогу Джибути—Аддис-Абеба в рычаг для продвижения французских товаров, для выкачки абиссинского сырья, для господства над всем хозяйством центральной Абиссинии?

Разве эритрейская железная дорога от Массауа к абиссинской границе не обеспечила контроль итальянского капитала над северной Абиссинией? Разве не проектируют итальянцы постройку

---

[1] Излагаем по «African World», № 1419, 1930.

[2] Первую сроком на 50 лет к югу от реки Баро до местности Маджи на крайнем юго-западе Абиссинии и вторую в Воллега в 32 кв. км также на 50 лет.

[3] Société Miniere des concessions Prasso en Abyssinie.

Абиссинская крестьянка

Трансабиссинской дороги, и разве английский капитал не форсирует строительство железных дорог в Судане? Наконец французские, английские, итальянские капиталисты строят автомобильные дороги, обеспечивая за собой господство над экономикой тех районов, которые благодаря этим дорогам вовлекаются в товарооборот. И все это строительство дорог сопровождается сооружением и расширением портов, расположенных на захваченном империалистами абиссинском береге—в Эритрее и в Сомали.

Финансы

Наконец иностранный капитал в полуколониях «функционирует в качестве ростовщического ссудного капитала и преследует задачу завоевания полного контроля над якобы независимыми государственными органами туземной буржуазии».

В Абиссинии в качестве органа такого контроля действует абис-

синский банк. Он был создан в 1904 г. как английский банк, по уставу Египетского национального банка, в качестве его филиала. Функции банка заключались в кредитовании и в выпуске банкнот[1] (с 1915 г. купюрами в 5—10—50—100—500 талеров на полном серебряном покрытии) [2]. По особой конвенции, заключенной между абиссинским правительством и банком, банк получил монополию на эти операции на 25 лет. Срок монополии кончался к 1/I 1931 г. и по соглашению сторон мог быть продлен. Таким образом иностранный капитал получил важнейший рычаг контроля над абиссинским хозяйством—монополию на выпуск денег.

Противоречия капитализма обусловливают борьбу отдельных капиталистических стран между собой за командные высоты хозяйства колоний и полуколоний. Мы видели, как отдельные группы финансового капитала вели в Абиссинии борьбу за овладение транспортом, за торговое преобладание и т. д. Не менее острая борьба велась за гегемонию в абиссинских финансах. Англичане сумели в 1904 г. захватить организацию банка в свои руки вопреки французским притязаниям. В связи с ростом внешней торговли и товарооборота банк значительно расширил операции по кредитованию торговли и этим приобретал большее влияние.

По мере того как приближался срок конвенции, борьба за овладение банком, за его переход в другие руки становилась острее. В конце 1930 г. стало известно, что абиссинский негус Тафари решил сделать банк государственным, выкупить его у Англии и перейти на золотое обращение. А так как для всего этого были нужны деньги, то правительство декретировало в начале 1931 г. введение новых косвенных налогов, которые, с одной стороны, тяжелым бременем легли на трудящиеся слои населения, с другой стороны, затормозили сбыт импортных товаров. Новыми налогами (от 5 до 30% сверх десятипроцентной таможенной по-

---

[1] На 31/XII 1929 г. всего было выпущено банкнот на 1 524 тыс. талеров.

[2] Основная денежная единица в Абиссинии — серебряный талер Марии Терезии. Эта монета чеканится в Вене. Чеканка составляет особое право австрийского правительства (которое с 1919 г. было наполовину переуступлено им монетному двору в Будапеште). С 1901 по 1926 г. в Вене было отчеканено 84 599 500 талеров—из них большая часть была доставлена в Абиссинию, остальные в Иемен и страны Персидского залива. Талер — кусок серебра весом 28,0668 *г* с постоянной датой—1780, без даты чеканки. Талер как денежная единица проник из Европы в Абиссинию давно. Стоимость талера колеблется в зависимости от стоимости серебра на мировом денежном рынке. Приблизительный паритет талера — 10,36 за фунт стерлингов.

Распространена также медная монета—гирш—$^1/_{16}$ талера. Твердых цен на медную монету не существует, и в зависимости от разных условий в разных местах страны она стоит неодинаково: 10 гирш (пиастров) за талер, а иногда 16 и больше. Существует мелкая монета из железа и даже в некоторых районах из каменной соли, называемая «амоле», от 10 до 12 дюймов длины, $1^1/_2$—$2^1/_2$ дюйма в толщину. За 1 талер, в зависимости от района, их дают от 10 до 40 штук. В иных местах в качестве денег ходят патроны.

шлины ad valorem) облагаются все импортные товары, за исключением автомобилей, двигателей, машин (т. е. товаров, привозимых из Америки).

Конечно, зависимое от иностранного капитала абиссинское правительство не пошло бы на этот шаг, если бы за его спиной не стоял представитель американского капитала—Эверт Кольсон.

Именно по совету Кольсона, приглашенного в 1930 г. на пост финансового советника при абиссинском правительстве, был решен вопрос о налогах и банке[1]. И конечно это решение не освобождает Абиссинию от иностранного контроля, а, наоборот, закрепляет в ней господство американского капитала.

Это решение теснейшим образом связано с широкими планами американского империализма, мечтающего построить плотину на озере Тсана, создать вокруг плотины ряд ценных плантаций и превратить Абиссинию в американскую вотчину для захвата и добычи ценного тропического сырья.

Государственный строй Абиссинии

Одной из важнейших командных высот в руках иностранного капитала, при помощи которой империалисты господствуют над хозяйственной и политической жизнью страны, является государственный аппарат. Формально этот аппарат носит конституционный характер. Но Абиссинии даже формально далеко до завершенной буржуазной демократии. Две палаты, члены которых назначаются провинциями и персонально утверждаются королем (негусом),—таково высшее достижение новой абиссинской конституции, принятой в июле 1931 г. Законодательные решения этих палат не имеют силы закона до утверждения их негусом.

Однако фактически и эта умеренная конституция представляет фикцию. Действительными заправилами являются иностранные советники. Орудием в их руках являются феодальные судьи, военачальники, наместники, министры и т. п.

В основном все государственное устройство Абиссинии сохраняет целый ряд феодальных признаков. В первую очередь сохраняются следы феодальной раздробленности, хотя формально Абиссиния представляет единое централизованное государство.

---

[1] Банку нужно доплатить еще 150 тыс. фунтов. Такая же сумма нужна для перехода на новую валюту, не считая капиталов, потребных для резервов, реорганизации банка и пр. Правительство же имеет только 100 тыс. фунтов. Прибыль от новых налогов в 2—3 года позволит осуществить намеченную программу. Но еще скорее можно ее провести в жизнь при помощи внутреннего займа, обеспечением которого и будут новые налоги. Весь этот план Кольсона наносит сильный удар по экономической позиции английского империализма в Абиссинии.

В середине XIX в. на территории современной Абиссинии насчитывалось 10 королевств и 10 крупных провинций[1].

После объединения Абиссинии сохранилось три королевства—Тигре, Амхара и Шоа. Остальные распались на ряд провинций и областей. Королевства управляются наследственными феодалами. Это, так сказать, короли второго разряда. Они подчиняются верховному королю, их сюзерену, негусу всей Абиссинии[2]. (Отсюда его титул «негус-негести»—царь царей). Провинции и области королевств, исчезнувших и бывших ранее самостоятельными, составляют владение негуса и управляются или наследственными племенными вождями (носят титул «рас») или чиновниками различных степеней и рангов, назначаемыми негусом[3]. Тигре, со столицей Макалле, распадается на 20 провинций. Амхара, со столицей Гондар, распадается также на 20 провинций. Шоа, со столицей Аддис-Абеба (она же столица и для всей Абиссинии и резиденция негуса), делится на 3 части—Верхнюю и Нижнюю Шоа и Огадейн в Сомали. Провинции и районы, не входящие в состав королевств, расположены главным образом на юго-западе Абиссинии и управляются также или местными племенными вождями, для которых сам негус является сеньором, или губернатором[4], которого назначает негус.

Назначенные губернаторы и наследственные правители обладают всей полнотой гражданской, военной и судебной власти. Губернатору подчиняются сельские старосты (или чиновники разных рангов, которым подведомственны отдельные населенные пункты). Они-то собственно и являются главным звеном в государственном аппарате, так как через их руки проходят и от них в известной мере зависят финансовые поступления, налоги и их размеры. Следует признать, что поскольку власть в некоторых районах остается в руках влиятельных феодалов, передающих ее по наследству, значение центральной власти в таких местах ограничено, и его не следует переоценивать. Каждый абиссинец подчиняется прежде всего своему феодалу, а затем уже, через него, негусу. Негусу в управлении государством помогают министры, выбранные им из абиссинской знати, а также специально приглашенные иностранцы. Участие иностранцев в

---

[1] Названия их (существующие и сейчас): королевства—Тигре, Дамбия; Бегамдер, Годжам, Амхара, Энария, Шоа, Ангот, Дамот-дари и Дамот-адари провинции — Мангаша, Салям, Багара, Аба-Галс, Валькант, Сагад, Самиен, Слоц, Вагала и Деба. Некоторые авторы насчитывали 9 королевств и 5 провинций, 4 королевства и 19 провинций и т. д.

[2] Он сам является в то же время королем Шоа.

[3] Все эти провинции и области причислены к 3 основным королевствам.

[4] Из этих провинций значительнейшие: Валаги, Галлас, Оромос, Сидамос, Агауе, Каффа. Из городов помимо указанных и крупнейших следует выделить Адуа, Аксум, Арка, Тегулет, Дире-Дауа.

управлении государством, подчинение им командных высот управления представляет типичный признак полуколонии.

«Помощь» в проведении налоговых реформ оказывается англичанином Хальпертом. Ривьер и Ренэ (французы) работают в министерстве общественных работ. Кольсон, советник правительства по финансовым вопросам, и Ворк, по вопросам народного образования,—американцы. Швед Колмодин приглашен недавно в министерство иностранных дел в качестве консультанта по вопросам якобы юридического характера. На необходимости для правительства иметь «квалифицированную консультацию и экспертизу» особенно настаивают иностранные посольства, каждое из которых наперебой рекомендует своих кандидатов. Уступая их натиску, абиссинское правительство принимает иностранцев на государственную службу. На первом месте по значению стоят подобранные правительством американские советники. Как агенты американского империализма они стремятся подчинить себе государственный аппарат, с тем чтобы, вытеснив англичан и французов, превратить Абиссинию в свою колонию.

Феодальный отпечаток носят на себе государственные доходы. Они складываются из таможенных поступлений (облагаются железнодорожные и караванные грузы) и главным образом внутренних налогов. Последние состоят из типичного феодального налога десятины, уплачиваемой частично в натуре, сборов на содержание армии, местных сборов и личного труда—барщины—в пользу феодалов (официально 1 день из 4). Десятина и налог на армию направляются через шумов и расов в государственное казначейство в Аддис-Абебе. Местные сборы идут на содержание государственного аппарата в провинции. За то, что крестьяне работают один день из четырех (это по закону; в другие дни феодал может также заставить крестьян работать на своей земле), феодал обязан предоставлять в распоряжение правительства вооруженных бойцов и носильщиков для переноски провианта и боеприпасов.

Армия носит тоже в значительной мере феодальный характер. Каждый феодал держит около себя щедро оплачиваемую дружину. В случае войны он выставляет определенное количество вполне снаряженных воинов, главный контингент которых составляет крестьянство, а основной костяк—дружина. Феодал, пользуясь своей силой, может докомплектовать свое войско крестьянами своей округи, которые под страхом смерти не могут ослушаться его приказа. Если мобилизованные крестьяне не имеют вооружения, то их обычно снабжают лишь холодным оружием, или они заменяют собой обоз—служат в армии носильщиками. Дружинники же вооружаются преимущественно огнестрельным оружием.

Сам негус имеет в своем распоряжении армию, состоящую из нескольких десятков тысяч людей. Они получают совершенно гро-

шовое содержание и пищу и нередко занимаются в свободное от парадов и карательных экспедиций время мелкой торговлей и ремеслами. По требованию негуса или губернатора какой-либо провинции шейхи племен и помещики-феодалы высылают требуемое количество людей обычно со своим вооружением. Лишь хорошо ему известных лиц губернатор снабжает сам современным оружием и образует из них личный конвой, избранную гвардию. В настоящее время абиссинская армия реорганизуется под руководством специально приглашенной бельгийской военной миссии. Уже сейчас создан отряд в 2 тыс. человек, перевооруженный и обученный на новый лад. Правительство обзавелось несколькими военными аэропланами и выстроило аэродром. Машинами управляют иностранные летчики. Несколько абиссинцев посланы в Западную Европу учиться летному делу, для того чтобы заменить иностранцев. Судоустройство и судопроизводство в Абиссинии фактически целиком подчинено духовенству и служит ему для защиты классовых интересов земельных магнатов. Основы современного абиссинского законодательства покоятся на уложениях, относящихся еще к IV веку. С XIII в. тексты различных законов, переведенные на язык гез, сохранились неизменными до наших дней (весь кодекс «Фетха Нагаст» состоит из трех отделов: церковные законы, гражданский и уголовный кодексы).

Всевозможные мелкие вопросы, как например случаи хищения скота, мелкие кражи и пр., в Абиссинии решаются обыкновенно самим населением. Более серьезные вопросы разрешаются правительственными судами. Но так как законы написаны на мертвом ныне языке гез, который понимают лишь некоторые из священников, то последние являются непременными консультантами правительственных судей, играющих роль простых пешек, которым подсказывается то или иное толкование никому неизвестных законов. Это обстоятельство увеличивает могущество церковников и устанавливает еще более тесный контакт между церковью и классом землевладельцев-феодалов. Система наказаний, основанная на принципе «око за око, зуб за зуб», отчетливо отражает всю древность «современного» законодательства Абиссинии, выросшего на базе производственных отношений раннего феодализма. Наказания, как правило, производятся публично. На улицах и площадях городов можно нередко видеть трупы повешенных за убийство. Более богатые люди однако имеют право по закону уплачивать семье или родственникам убитого выкуп. Непредумышленное убийство также карается смертью. Рей рисует жуткие картины состояния абиссинских тюрем. Заключенных не кормят, они живут за счет родных и подаяния прохожих, когда правительство не использует их на общественных работах. В провинциях, кроме официальных судей, дела вершат вожди племен

Феодальная дружина

и расы. Европейцы, как и в большинстве полуколоний, не подлежат абиссинской юрисдикции. Дела европейцев с абиссинцами рассматриваются смешанным судом, состоящим из трех лиц—председателя абиссинца и двух членов, одного тоже абиссинца и другого, являющегося консулом той страны, к которой принадлежит подлежащий суду европеец.

Классовая борьба в Абиссинии
Восстание 1930 г.

В результате проникновения империализма хозяйство Абиссинии переживает сдвиг. Этот сдвиг отражается на расслоении классов, усложняет и углубляет классовые противоречия, обостряет классовую борьбу. Сельское хозяйство товаризуется, с.-х. продукция

экспортируется в другие страны. Хотя и медленно, но растет внутренний рынок, растет и торговый капитал. Все эти процессы происходят при сохранении феодального способа производства, при закреплении феодально-крепостнических форм эксплоатации. В связи с этими процессами увеличивается значение торговой буржуазии.

До проникновения европейского капитала в Абиссинию купечество не играло никакой роли в политической жизни страны и, весьма вероятно, даже не добивалось этой роли. Сфера деятельности купцов ограничивалась почти исключительно внешней торговлей. Развитие внутренней торговли, в силу замкнутости и разобщенности отдельных феодальных княжеств, существующих в условиях примитивного натурального хозяйства, при незначительной роли обмена в этом хозяйстве, не сулило особых перспектив. Внешняя же торговля с определенными странами (Аравия, Индия) была хотя и небольшой по размерам, но весьма прибыльной. Вывозились из Абиссинии слоновая кость, кофе, шкуры диких животных, ввозились пряности, дорогие ткани. Весь товарооборот служил удовлетворению прихотей местных сатрапов как в Абиссинии, так в равной степени и в Индии и в Аравии.

Купцы чаще всего были не кем иными как доверенными лицами феодалов, помогавшими им реализовать избыточные продукты помещичьего хозяйства для обмена на предметы роскоши. Очень часто помещики сами занимались торговлей. До сих пор купечество в Абиссинии неразрывно связано с классом помещиков; оно как бы отпочковалось от него. Нередки случаи, когда знатные абиссинцы сами ссужают торговые предприятия деньгами, участвуя на правах пайщиков в их прибылях.

Когда же европейские купцы заняли, при активной поддержке империалистических армий и флотов, все выходы к морю и образовали промежуточное звено, лишив портовое абиссинское купечество его привилегированного положения и—самое главное—прибылей, это купечество начало действовать уже как нечто организованное, у него начали складываться элементы политического мировоззрения. Часть купечества уступила европейцам первенство и заняла чисто служебное положение—комиссионеров, перепродавцов, посредников. Другая же, значительно большая часть перенесла центр внимания на внутреннюю торговлю.

Это не значит, что обе группы резко противоположны. Зачастую те и другие функции сливаются в одном лице. Посредник, поставляя сырье для экспортных фирм, производит закупки сырья на внутреннем рынке сам; с другой стороны, скупщик стремится связаться с внешним рынком и обойтись без посредников.

При наличии обособленных, замкнутых феодальных мирков, многовластия, неупорядоченности и случайности меновых связей—обмен носил также случайный и неупорядоченный характер.

Отсюда борьба абиссинской торговой буржуазии за «место под солнцем» против феодальной раздробленности (но не против феодального способа производства и феодальных форм эксплоатации), отсюда ее поддержка Менелика II, стремившегося объединить Абиссинию, ибо уничтожение множества внутренних границ ставило торговлю в более нормальное положение. В этой борьбе буржуазия сумела использовать расслоение феодального класса и привлечь на свою сторону феодалов-помещиков, приспосабливающихся к новым хозяйственным условиям, выступающих за развертывание товарных отношений. Против этого помещичье-буржуазного блока выступают другие группы феодалов, базирующихся на натуральном хозяйстве и стремящихся удержать это натуральное хозяйство от неизбежного разложения под влиянием развития товарно-денежных отношений. Если торговая буржуазия и связанные с нею феодально-помещичьи слои ведут борьбу за централизацию абиссинского государства, то, наоборот, феодалы, опирающиеся на натуральное хозяйство, стремятся к децентрализации и к сепаратизму.

В Абиссинии, как и во всех колониальных и полуколониальных странах, мы наблюдаем процессы сращения туземной торговой буржуазии с иностранным капиталом, с одной стороны, и с туземным феодально-помещичьим классом—с другой. В результате сращения с иностранным капиталом абиссинское купечество становится его агентом, проводником его влияния и борется за его интересы, за полное подчинение Абиссинии империалистам. Играя вспомогательную роль, являясь промежуточным звеном или выступая самостоятельно, заменяя собой иностранцев, но в своей деятельности ориентируясь только на них, этот слой абиссинского купечества, преимущественно портовая буржуазия и часть крупной буржуазии больших торговых центров, является агентурой иностранцев и в политической области. Среди этой компрадорской группы существует разноголосица, поскольку те или иные купцы связаны с американцами, англичанами, французами, итальянцами, т. е. с враждующими группами монополистического капитала.

Другим и важнейшим слоем абиссинской буржуазии являются купцы, экономически связанные с классом феодалов-помещиков. Некоторые из них одновременно являются и купцами и помещиками, другие работают частично на ссуды, даваемые им помещиками под проценты, и наконец третьи играют роль посредников между внешним рынком и помещичьим хозяйством, опираясь на последнее. Этот слой сейчас играет в политической жизни страны большую роль. Торговая буржуазия отнюдь не враг феодальных отношений. Раскрепощение крестьянства, ликвидация феодального землевладения никогда не были ее лозунгами. Наоборот, выросшая из феодализма, опирающаяся в своей торговой деятельности на по-

мещичье хозяйство, она способствует усилению эксплоатации закрепощенного крестьянства. Но для нее как класса совершенно очевидно вместе с тем, что для развития торговых связей необходимо усиление центральной власти. Для этого в первую очередь требуется изжить ряд феодальных пережитков, до сих пор характеризующих государственный аппарат, провести налоговую реформу, чтобы значительная часть взимаемых с крестьян налогов не оставалась в карманах у помещиков, а шла в государственную казну, укрепить и организовать центральную армию негуса и добиться разоружения феодалов, проявляющих сепаратистские тенденции. К этой программе добавляются требования улучшения судопроизводства в экономической области, регулирование коммерческих сделок и др.

Вся эта программа вызвала сопротивление феодальных сепаратистских слоев, не желавших поступиться своим привилегированным положением. Суд в руках церкви, безнаказанность в нарушении сделок, возможность грабить на дорогах караваны купцов— все эти «преимущества» провинциальные феодалы не собирались отдавать без боя. Назревал конфликт. Феодалы при помощи церкви решили бороться за то, чтобы все оставалось «по-старому». Но торговая буржуазия и связанные с ней круги феодалов-помещиков добились объединения государства и ликвидации политической самостоятельности провинциальных феодалов. Еще в конце XIX в. они выдвинули на трон негуса Менелика II, возглавившего движение за централизацию и установление абсолютизма в Абиссинии.

После смерти Менелика II, крепко державшего страну в руках, возникла опасность распада государства и восстановления отдельных феодальных княжеств по старым территориальным и династическим признакам. Однако теперь церковь, которая сама являлась крупным феодалом и сама через монастыри участвовала в торговле, выступила на стороне центрального правительства. Церкви, крупным феодалам и торговой буржуазии удалось посадить на престол дочь Менелика Заудиту (1916 г.). Наследником престола и регентом стал племянник Менелика Тафари Маконнен. Однако желания клерикалов не совпадали с намерениями мелких феодалов-сепаратистов, мечтавших о политической самостоятельности. Вспыхнула междоусобная война, которая быстро закончилась полной победой войск нового правительства. Фактическим правителем стал Тафари. Развитие внешней торговли, товаризация внутренних ресурсов Абиссинии, торговая деятельность европейского капитала—все это несомненно действовало возбуждающим образом на туземную торговую буржуазию, создавая вполне определенные побуждения для собирания ее сил и усиления не только хозяйственной, но и политической деятельности. Но развитию этой деятельности в пределах внутреннего рынка прежде всего мешали

феодальные пережитки в системе управления. Тафари стал во главе движения торговой буржуазии. Он выступил в качестве реформатора Абиссинии. Реформы сводились не к уничтожению феодального строя, но к приспособлению его к новым хозяйственным условиям. Ликвидировались наиболее отжившие надстройки феодальной формации (монополия церкви на судопроизводство, церковные и феодальные привилегии в отношении налогов и т. п).

В ответ на реформы церковь и феодалы выступили против Тафари—«модернизатора» Абиссинии. Церковь сгруппировала вокруг себя все реакционные элементы страны. Знаменем этой реакционной, махрово-феодальной клики была выдвинута Заудиту. Церковь замышляла государственный переворот, желая отстранить от власти торговую буржуазию, феодальные слои, связанные с нею, и представителя этого помещичье-буржуазного блока Тафари.

В 1924 г. Тафари совершил поездку по Западной Европе. Церковь и феодалы, воспользовавшись удобным случаем, обвинили его в намерении продать страну иностранцам и окружили его «советом опекунов», наблюдавших за каждым его шагом. Но вопреки желанию этого «совета» Тафари занялся военными делами—реорганизацией армии, стремясь обеспечить себе ее поддержку на случай попыток государственного переворота.

Между тем условия в Абиссинии изменились. Крестьянство, которое и раньше выносило на себе всю тяжесть феодальной эксплоатации, теперь, в результате развития товарно-денежных отношений, стало испытывать ее еще в большей степени. Помимо того что феодалы усилили эксплоатацию, так как им требовались все большие массы прибавочного продукта для рынка, усилили свою деятельность ростовщики и купцы-скупщики крестьянской продукции. Среди крестьян росло недовольство против феодально-крепостнической и торгово-ростовщической эксплоатации. Развитие мирового экономического кризиса поставило крестьянство в безвыходное положение. Продолжающееся обесценение серебра—основной валюты Абиссинии—и падение цен на с.-х. товары еще больше усиливали его недовольство. Назревало восстание. Реакционные элементы использовали брожение среди крестьянства и возглавили его.

Основной движущей силой восстания было крестьянство. Крестьяне составили основную массу его участников. Но благодаря церковно-феодальному руководству революционное значение восстания было сведено на-нет. Оно прошло под феодальными лозунгами возврата к старине, и в случае его победы в Абиссинии восторжествовала бы реакция. Феодальный строй был бы не уничтожен, а напротив, остался бы существовать в своих прежних, отживших формах. Церковники умело использовали влияние мирового экономического кризиса на абиссинскую деревню как доказательство измены Тафари, «продавшего страну иностранцам». Руководство вос-

станием принял на себя рас Гудас Вали—муж Заудиту. Объединенные войска феодалов, поддерживаемые крестьянством, двинулись к Аддис-Абебе. 31 марта 1930 г. произошла решительная схватка. Несмотря на явное превосходство сил восставших (100 тыс. против 50 тыс.), они были разбиты. Огромную роль в исходе боя сыграло выступление аэропланов[1], пилотируемых французскими летчиками. Бомбометание произвело потрясающий эффект. Между прочим сброшенной бомбой был убит Гудас Вали. Тафари решил окончательно расчистить себе путь к трону. На следующий день после битвы Заудиту «умерла в своем дворце от горя или от других, невыясненных причин»—как гласил английский текст телеграммы. После смерти императрицы и разгрома повстанцев восстание быстро прекратилось. Тафари объявил себя императором и спустя несколько месяцев короновался на «трон Соломона и царицы Савской».

Окончательное закрепление власти в руках Тафари означало победу торговой буржуазии и ослабление влияния реакционных элементов. Очень быстро феодалы убедились, что Тафари «свой», так как ни один из изданных им декретов не нарушает основных «прав» помещиков—неограниченной эксплоатации крестьян и владения огромными поместьями. Кое-чем им однако пришлось поступиться. Проводимое упорядочение налогового дела должно привести к уменьшению доли налогов, расхищаемой помещиками при взимании, и к увеличению поступлений в казначейство, что особенно важно для осуществляемого перевооружения и реорганизации армии. В настоящее время Тафари проводит разоружение населения под предлогом необходимости обеспечить беспрепятственную торговлю во всех уголках страны. Пока что феодалы сохранили свои дружины. Возможно, что им придется с ними расстаться, если политика централизации будет проводиться Тафари со всей решительностью и дальше. Предпринятые шаги по организации школ ясно показывают, кого и зачем хочет обучать Тафари—исключительно детей помещиков и богатых купцов.

Борьба буржуазно-помещичьих элементов, возглавляемых Тафари, с реакционными элементами, церковью и феодалами не была борьбой одной общественной формации против другой; она не закончилась изменением социальной структуры общества, разрушением экономических основ существования побежденного класса. Это была борьба в рамках одной формации, борьба более передовой части эксплоататорских классов против отсталой, за консолидацию сил, за создание условий, максимально благоприятствующих укреплению экономических и политических позиций эксплоататорских классов, за возможность еще большей эксплоатации классов угнетенных.

---

[1] Они были куплены Тафари незадолго до восстания.

Экономический кризис в Абиссинии [1]

Мировой экономический кризис вносит большие изменения в хозяйственную и политическую жизнь Абиссинии.

Резко сокращается сбыт многих видов абиссинской с.-х. продукции на мировом рынке. Вывоз скота падает с 6 690 голов в 1926 г. до 1 928 голов в 1930 г. Совершенно прекращается вывоз таких экспортных товаров, как гумми-арабик и слоновая кость.

Экспорт других товаров не уменьшается по количеству, но резко падает в ценностном выражении. Так, экспорт кожсырья в 1931 г. даже несколько увеличился по сравнению с 1929 г. (8 200 тонн против 7 136), но это увеличение произошло в результате резкого падения номинальных цен, с одной стороны, и обесценения абиссинского серебряного талера, с другой стороны. В таком же положении находится другой важнейший абиссинский экспортный с.-х. товар—воск. Наконец исключительных размеров достигает падение цен на кофе. В 1931 г. Абиссиния увеличивает экспорт кофе в четыре раза, но общая стоимость вывезенного кофе почти не меняется, так как цены упали номинально в три-четыре раза. Реальное же их снижение еще больше вследствие обесценения абиссинской валюты.

Падение цен ведет к дальнейшему обнищанию абиссинского крестьянства. В самом деле, уровень сельского хозяйства в Абиссинии исключительно низок. Крупные бразильские плантации производят кофе по значительно более низкой стоимости, чем мелкие и мельчайшие абиссинские земледельцы. Если в «нормальное» время, до кризиса, абиссинское кофе могло конкурировать с бразильским, то это происходило за счет дикой эксплоатации абиссинского крестьянства, вынужденного продавать свою продукцию ниже действительной стоимости и сокращать свои потребности до голодной «нормы». Во время кризиса это положение ухудшается во много раз. Цена на бразильское кофе падает до такой степени, его непроданные запасы увеличиваются настолько, что крупные бразильские плантаторы и спекулянты сжигают и топят в море тысячи тонн кофе. Казалось бы, при таких условиях всякая возможность сбыта абиссинского кофе на мировом рынке исключена. Однако абиссинский крестьянин вынужден принять новую мировую цену, в три-четыре раза меньшую даже против той голодной цены, по которой он продавал свою продукцию до кризиса. И вытягивая из себя и из своей семьи все жилы на работе, отдавая последнее помещику, поставщику и старосте, собирающему налоги (шуму), он вынужден влачить теперь существование много ниже голод-

[1] Ввиду отъезда автора брошюры за границу, этот заключительны очерк написан т. Ахмаром.

ной «нормы». Недаром даже английский консул в Аддис-Абебе в своем последнем отчете признает, что «ни в одной африканской стране крестьянство не находится в таком тяжелом положении, как в Абиссинии».

Наряду с падением номинальных цен тяжело бьет по крестьянству серебряный кризис. Серебро—основная валюта колоний—обесценивается повсюду: в Китае и в Индии, в Иемене и в Абиссинии. Абиссинское сырье продается по резко пониженным номинальным ценам. Но если бы даже цены номинально остались на старом уровне, то реально они все равно упали бы вследствие обесценения серебра. Обесцениваются тощие сбережения абиссинского крестьянства. И в то же время поднимаются—по сравнению с ценами на абиссинскую продукцию—цены и номинальные и реальные на импортные товары. Европейский капитал требует теперь за то же количество товаров большее количество обесцененных серебряных талеров.

«Неравномерное развитие монополизации отдельных сфер производства ведет к неравномерности в колебаниях цен»—говорит т. Мануильский. «Сильно монополизированные отрасли промышленности выдерживают лучше в момент кризиса натиск конкуренции и лучше защищают себя против падения цен, чем немонополизированные сферы производства. Если взять например колониальные страны, то они совершенно беззащитны перед натиском монополизированного капитала метрополий. Отсюда катастрофическое падение цен на колониальное сырье. В этом заключается одна из причин того, что кризис в колониях, как по форме, так и по характеру отличается от кризиса в капиталистических странах» [1].

В самом деле, ясно, что крупные хлопчатобумажные фабрики и тресты—безразлично в Англии или в Японии, в Америке или во Франции—даже несмотря на обостренную борьбу за внешние рынки, несмотря на демпинг, лучше противостоят падению цен, чем раздробленные, мелкие и мельчайшие абиссинские земледельцы. Если цены на абиссинскую продукцию падают действительно в катастрофических размерах, если например цена на кофе падает номинально в 3—4 раза, а фактически вследствие обесценения серебра еще больше, то ни один импортный текстильный товар, произведенный в значительно более монополизированной сфере производства, не падает в цене до такой степени.

Надо учесть и то, что миллионам разрозненных мелких и мельчайших абиссинских крестьян на внутреннем рынке противостоит кучка иностранных и туземных купцов, в конечном счете представляющих агентуру иностранных банков и трестов. Несмотря

---

[1] Мануильский Экономический кризис и революционный подъем. Доклад на расширенном президиуме ИККИ 18—20/II 1930 г.

на обострение конкуренции и борьбы за абиссинский рынок, эта кучка все же сумела разделить Абиссинию на более или менее монопольные сферы влияния, чтобы диктовать абиссинскому крестьянину свои монопольные цены, т. е. выкачивать за бесценок его продукты и продавать ему по сравнительно высоким ценам товары первейшей необходимости—не только промышленные, произведенные в более или менее монополизированных сферах производства, но даже импортное продовольствие, остро необходимое для районов кофейной монокультуры.

Этот разворот ножниц между ценами на промышленные и с.-х. продукты, между ценами на товары капиталистических метрополий и порабощенных колоний, между ценами на товары, сбываемые купцами-монополистами и раздробленными мельчайшими товаропроизводителями, дал себя знать в цифрах абиссинской внешней торговли. Полных данных об абиссинской внешней торговле нет, есть только сведения о движении импортных и экспортных грузов по Джибутинской дороге. Но эти сведения в достаточной степени показательны и отражают то же соотношение, что и в большинстве других колониальных стран, подчеркивая колониальный характер абиссинского кризиса.

В самом деле, экспортные грузы несколько увеличиваются в количественном отношении, резко падая в цене. Так, грузы кофе увеличиваются с 13 683 *m* в 1929 г. до 14 412 *m* в 1930 г.; груз воска—с 326 *m* до 346 *m*; груз кож—с 7 136 *m* до 8 015 *m*. Зато импортные грузы, как правило, сокращаются в количественном отношении, причем снижение их в цене идет далеко не такими быстрыми темпами. Ткани снижаются с 7 077 до 5 900 *m*, соль—с 21 037 до 19 314 *m*, рис—с 610 до 297 *m*, дурра—с 1 223 до 126 *m* и т. д. Сахар снижается с 3 363 в 1928 г. до 2 023 *m* в 1929 г. и остается в 1930 г. на стабильном пониженном уровне. Понижение дают решительно все импортные товары широкого потребления, за исключением керосина. Это значит, что колониальный паек абиссинского крестьянства снижается, что в обмен на большие количества своей продукции он получает меньшие количества тканей и продовольствия, что его покупательная способность резко падает, что растет обнищание крестьянства и ускоряется деградация мелких и средних крестьянских хозяйств. В 1931 г. обнищание трудящихся Абиссинии идет еще более быстрыми темпами: «За 1928 г. абиссинское население купило около 3 000 *m* хлопчатобумажных тканей хорошего качества»—сообщает английский консул в Аддис-Абебе [1],—«в 1931 г. это количество снизилось до 700 *m*», т. е. больше, чем в 4 раза.

Кризис в Абиссинии связан с мировым экономическим и в пер-

[1] Near East anb India, 5/V 1932, p. 374.

вую очередь с мировым аграрным кризисом. Это прежде всего кризис перепроизводства, вызванный катастрофическим падением покупательной способности масс во всех капиталистических и колониальных странах при значительном расширении производственного аппарата.

Абиссиния пережила не один кризис, когда иностранные рынки сбыта ее с.-х. продукции (и в первую очередь кофе) значительно сужались. Но современный кризис отличается от предшествующих целым рядом особенностей.

Во-первых—это не частичный кризис, поражающий лишь отдельную страну или отдельную отрасль хозяйства. Напротив, им охвачены все капиталистические и колониальные страны, все отрасли хозяйства. Те кризисные явления, которые происходят сейчас в Абиссинии, непосредственно связаны с глубоким экономическим кризисом, потрясающим весь капиталистический мир.

Во-вторых—это не обычный кризис перепроизводства, он происходит на базе общего послевоенного кризиса капитализма, в условиях гниения всей капиталистической системы. Он обостряет общий кризис капитализма и сам принимает благодаря общему кризису небывалую остроту. Никогда еще в такой степени не падали цены на колониальное сырье (в данном случае абиссинское), никогда еще пауперизация абиссинского крестьянства не достигала таких катастрофических размеров.

Общий кризис капитализма обостряет все противоречия колониальной структуры абиссинского хозяйства. Империализм разрушает здесь старые производительные силы, не создавая взамен их новых. В начале книги уже отмечалось и то падение, которое испытало некогда развитое абиссинское ремесло, и та деградация, которую переживает исключительно отсталое, примитивное сельское хозяйство. Эта деградация вызывается тем, что империализм сохраняет здесь феодальную и рабовладельческую эксплоатацию, сохраняет феодальные отношения, в рамках которых невозможно никакое развитие производительных сил. Чтобы повысить уровень агротехники, надо ликвидировать безземелие абиссинского крестьянства и освободить его от феодально-крепостнической эксплоатации, надо дать ему в руки земли монастырей и феодалов. На проведение этой коренной ломки аграрного строя, этой решительной очистки земли от сковывающих ее феодальных отношений не пойдет ни негус Тафари самый крупный феодал и земледелец, ни его правительство, тоже составленное из крупных феодалов, ни иностранные империалисты, понимающие, что феодальная эксплоатация и гнет помогают им проводить политику колониального порабощения Абиссинии и ограбления абиссинского народа.

Больше того, как уже отмечалось выше, империализм не может провести даже те ирригационные сооружения и заложить те план-

тации, которые, казалось бы, сулят ему новые огромные прибыли. До сих пор не сооружена плотина у истоков Нила, о которой было столько разговоров. Конечно, эта плотина в существующих условиях не принесла бы никакого облегчения абиссинскому крестьянству; всеми выгодами воспользовался бы иностранный капитал, который получил бы при этом новое орудие эксплоатации абиссинского народа.

Тем не менее сооружение плотины означало бы известный шаг вперед на пути развития производительных сил страны. Оно увеличило бы посевные площади, создало бы возможность развития ценных культур и повысило их урожайность,—хотя трудящиеся Абиссинии «пожали бы плоды» этого строительства лишь после свержения империалистов и феодалов. Однако плотина не строится вследствие тех империалистических противоречий, которые обостряются в период общего кризиса капитализма (особенно в период мирового экономического кризиса) и представляют одно из наиболее ярких его проявлений.

«Разбойничий характер империалистического государства»,—говорит XI пленум ИККИ,—«находит в обстановке кризиса особенно яркое выражение в усилении империалистической агрессивности, в стремлении империалистов расширить свои колониальные владения и «сферы влияния»... «Кризис с особенной силой заостряет борьбу между Англией и САСШ за мировую гегемонию». В то же время пленум отмечает, как проявление кризиса, усиление империалистической борьбы между Францией и Италией за африканские колонии. Все эти положения ярко подтверждаются на абиссинском примере. Как «независимое» государство, поделенное на «сферы влияния», Абиссиния, особенно сейчас, в период кризиса, возбуждает колониальные аппетиты империалистических государств, стремящихся превратить ее в свою полную колонию. Усиливается борьба между Англией и Америкой за господство над истоками Нила, за гегемонию на абиссинской территории. Конфликт из-за плотины у озера Тсана, захват американским капиталом абиссинского банка и командных высот в государственном аппарате, внутренние интриги и подкуп отдельных феодалов, пропаганда английских агентов, распространяющих в Абиссинии басни о благоденствии соседних английских колоний—Кении и Уганды,—вот различные звенья этой борьбы. В то же время развертывается борьба между Францией и Италией, выражающаяся в строительстве путей, в захвате рынков и все в тех же внутренних феодальных интригах.

Империалистические государства пользуются кризисом для того, чтобы усилить зависимость Абиссинии. Они посылают новую миссию во главе с лордом Бэкстоном для изучения рабства в Абиссинии и борьбы с ним (март 1932 г.). Конечно «цивилизованные» европейские рабовладельцы даже не думают вести действитель-

ную борьбу с рабством. Но почему бы не воспользоваться тем,—рассуждают они,—что абиссинское государство, переживающее финансовый кризис, не может оказать никакого сопротивления, и не навязать ему под предлогом борьбы с рабством открытый политический контроль?

Действительно, положение абиссинских государственных финансов создает широкие возможности для колониального закабаления страны. Сокращение внешней торговли, падение цен на абиссинскую с.-х. продукцию, обнищание крестьянства—все это серьезно отразилось на государственном бюджете. Абиссиния, как и большинство полуколониальных государств, получает свои доходы только из двух источников: во-первых, путем жестокого давления налогового пресса на крестьянство, во-вторых—от обложения товаров таможенными пошлинами.

Однако размеры внешней торговли сократились, товары, проходящие через таможни, упали в цене и таможенные доходы значительно понизились. Что же касается давления на крестьянство, то налоговый пресс завинчивается все больше и больше—до крайних пределов. Но, во-первых, большая часть собранных налогов оседает в руках феодалов и старшин, во-вторых, крестьянство до такой степени обнищало, оно получает за свою продукцию настолько ничтожные денежные суммы, что многого здесь не выжмешь. Там же, где налог собирается в натуре, стоимость товаров, собранных в его уплату, как бы ни велики были их массы—тоже ничтожна.

При таком положении есть один выход—это конфискация земель и богатств, принадлежащих монастырям и феодалам, это экспроприация монастырских и помещичьих складов, которые набиты продовольствием, в то время как крестьянство в соседних деревнях вымирает от голода. Оказать за счет паразитических классов помощь голодающим крестьянам, дать им возможность расширить свое хозяйство на более высоком агротехническом уровне, освободить их от империалистической, крепостнической и рабской эксплоатации—такая программа подлинного выхода из кризиса конечно может быть осуществлена лишь при условии действительного свержения империалистов и феодалов.

Но существующее феодальное правительство предпочитает укреплять свои финансы иным путем. Оно предпочитает усилить феодальную эксплоатацию во время кризиса, давить крестьян поборами, повинностями, рентой, налогами—еще в большей мере, чем в «нормальное» время, подавлять вооруженной силой их выступления и голодные бунты и заштопывать бюджетные дыры империалистическими подачками. Правда, за эти подачки колониальные компрадоры и феодалы продают независимость государства; правда, за эти кабальные займы они отдают империалистам

финансовый и политический контроль над страной. Но это для них нестрашно, ибо грабительские шейлоковские проценты оплачиваются не ими, а трудящимися массами; ибо умирают от голода, чтобы оплатить купоны по займу, не феодалы и не купцы, а крестьяне, рабы, ремесленники и колониальные кули.

В этом отношении рас Тафари неодинок. Египет, Ирак, Геджас-Неджд, Афганистан и т. д.—все эти «государства», управляемые империализмом при помощи лакейской феодально-компрадорской аристократии, протягивают руку к иностранным банкам и правительствами, предлагая в заклад независимость (там, где она еще сохранилась), территории, правительственные посты, железные дороги, аэродромы, таможенные доходы, нефтяные залежи и вообще все народные богатства. Усилить порабощение колониальных масс, закабалить их новыми займами—вот империалистическая программа выхода из кризисного тупика. И она охотно поддерживается всеми этими феодальными лакеями империализма—Сидки-пашами, Фейсалами, Ибн-Саудами и рас Тафари. Вот почему Тафари приглашает американских советников, отдает в их руки контроль над финансами, ведет с ними переговоры о плотине, о плантациях и добивается (вопреки своим торжественным декларациям, предназначенным для внешнего мира) кабальных займов.

Но эта программа выхода из кризиса означает дальнейшее углубление империалистической и феодальной эксплоатации абиссинского народа, дальнейшее обострение всех противоречий колониального строя, дальнейшее усиление голода. Эта программа неизбежно вызовет борьбу абиссинского народа против империализма и феодалов за революционный выход из кризиса. «Под влиянием теснейшего переплетания экономического кризиса с сельскохозяйственным и усиления империалистической и феодально-ростовщической эксплоатации, чудовищного разорения масс—поднимаются многомиллионные массы на национальную революционную борьбу против всей империалистическо-колониальной системы, быстро созревает глубокий революционный кризис» (из тезисов XI пленума ИККИ).

Если в Китае и Индии этот кризис уже принял отчетливые формы, то в отсталой Абиссинии движение находится пока еще на много более низком уровне. Но оно растет, потому что голод толкает массы на борьбу. В этом отношении показательно то восстание, которое развернулось в начале 1930 г. В этом отношении показательны и те вспышки, которые происходят в последнее время [1].

---

[1] Уже после так как книга была набрана, в июне 1932 г. в северной Абиссинии (Годжам) вспыхнуло новое восстание под руководством феодалов, вероятно опирающееся на крестьянство. Подробности об этом восстании пока еще неизвестны.

Правда, все эти вспышки сопровождаются феодальными и церковными интригами, борьбой между феодальными князьками и т. п.. Но в то же время углубление кризиса неизбежно вызывает рост стихийной антифеодальной и антиимпериалистической борьбы за революционный выход из кризиса, за захват и передел феодально-помещичьих и монастырских земель, за конфискацию монастырских и дворцовых богатств и складов, за свержение феодалов и их покровителей-империалистов. «Центральное значение здесь (в колониальных и полуколониальных странах с преобладанием феодально-средневековых отношений -*А.*) имеет борьба с феодализмом, докапиталистическими формами эксплоатации и последовательно проводимая аграрная революция крестьянства—с одной стороны, борьба с иностранным империализмом за национальную независимость—с другой (программа Коминтерна).

Эта формула четко определяет основную задачу, лежащую перед трудящимися массами Абиссинии—бороться за независимость и землю против двойного гнета местных и пришедших эксплоататоров. В этой своей борьбе абиссинский народ не будет одинок. Антиимпериалистическая и аграрная революция откроет перед ним новый, единственный возможный путь некапиталистического развития. И, минуя исторически отжившую и ненужную ступень капитализма, Абиссиния пойдет по этому пути к созданию социалистического общества.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Культура и быт Абиссинии

Феодальная формация наложила сильнейший отпечаток на культуру и быт Абиссинии. Гнет средневековья, гнет церкви, крепостничество, пережитки патриархальных отношений, многовековая изоляция от внешнего мира—все это отразилось на Абиссинии, обусловив ее исключительную культурную отсталость. Благодаря этой отсталости в Абиссинии сохранился ряд своеобразных бытовых и культурных особенностей.

Национальный состав. Языки

В Абиссинии живет несколько народов, «разнящихся друг от друга не только расой, но и языком, внешним видом, обычаями и религией».

Собственно абиссинцы составляют больше трети всего населения [1].

По итальянским данным, из 10 млн. человек населения Абиссинии на долю галасов приходится от 4 до 5 млн., абиссинцев от 3,5 до 4 млн., в том числе племя шоа 1 200 тыс., тигре –800 тыс., амхара—1 млн., годжам—600 тыс. и т. д.

Абиссинцы населяют провинции Тигре, Амхара, север Годжама и центральную часть провинции Шоа. Галасы по численности стоят на первом месте (4—5 млн.). Они расселены почти повсеместно. На западных границах живут племена негритянского происхождения (чанкала); на восточных окраинах живут данакильцы, племя исса и ряд других племен, принадлежащих к сомалийцам.

Самое широкое распространение среди абиссинцев имеют языки арабский и амхарик. За ними на втором месте идет язык галла хамитского происхождения, на различных диалектах которого говорят многочисленные племена галасов.

Племенной быт

Как уже указывалось, племена галасов превышают численностью коренное население—абиссинцев. Они расселены преимущественно в южных и западных районах Абиссинии, хотя некоторые племена—тантал, азибу, неджоу, уолло, галла—живут и в восточ-

---

1 О численности населения Абиссинии путешественники, исследователи и ученые дают самые разнообразные сведения, определяя его цифрой от 3—4 до 13—15 млн. человек,

Наибольшее распространение имеет цифра 10 млн. чел., но и она лишена какой бы то ни было степени достоверности, так как никакой переписи населения в Абиссинии никогда не производилось

ной окраине. Племенная рознь, выросшая на экономической почве (борьба за пастбища, места охоты и пр.), до сих пор вырывает многочисленные жертвы из их среды. Этими распрями умело пользуется правительство. Приводя одно племя при помощи другого к покорности, оно поддерживает среди них относительный «порядок».

В культурном отношении галасы стоят много ниже абиссинцев. Плохо дубленые звериные шкуры составляют их одежду; дротик и лук—их оружие. Антисанитарные условия жизни галасов (грязь жилищ и пр.) не поддаются описанию. Мужчина играет главную роль в семье. Женщина—ничто в глазах галаса. В абиссинской деревне женщина менее бесправна и подневольна. Она—такой же работник в поле, как и мужчина. Но и тут и там женщины не могут принимать участия в обсуждении дел, касающихся например налогов, выбора нового пастбища, вопросов аренды и т. п. Этим занимаются мужчины.

Следует отметить некоторые интересные обычаи, сложившиеся в результате ожесточенной борьбы за существование в рамках рода. Когда юноша хочет жениться, то его отец должен получить согласие на брак от всех его родственников. При этом он щедро одаривает их, преподнося коз, посуду, шкуры и др. Этими подарками род как бы компенсирует себя за уход юноши, за потерю рабочей силы или по крайней мере за отвлечение части его времени и продукции на-сторону, т. е. на жену. Отец же девушки собирает для нее приданое от своих родственников и друзей, которые в силу установившихся правил, не скупясь, должны снабжать его всем, чем могут, для того чтобы помочь семье избавиться от «дармоедки». Рождающихся девочек иногда (очевидно в зависимости от материальных обстоятельств племени) подбрасывают в лес на съедение гиенам. Если жена уйдет от мужа и родит от другого мужа мальчика, родовой закон обязывает ее вернуть ребенка первому мужу[1]. Экономический уровень, на котором находятся галасы, исключительно низок. Рей был свидетелем, когда вид зажигающихся спичек привел в панику галасов одного из отдаленных племен, так как они никогда не видели их раньше.

Среди галасов встречаются как оседлые земледельческие, так и кочевые охотничьи и реже скотоводческие племена. Низкий культурный уровень их объясняется тем, что среди них до сих пор сохранились остатки патриархальных отношений.

Племена данакилей и сомалийцев ведут кочевой образ жизни, промышляя охотой и рыболовством. Они стоят на еще более низкой ступени развития, чем галасы.

---

[1] Рей, стр. 54—55.

Показатель низкого уровня культуры является широкое распространение алкоголизма.

Национальным напитком является медовая брага—«тедж». Она изготовляется из меда и местного хмеля. Пиво, водка и спирт имеют спрос всегда и везде, в некоторых местностях даже заменяют деньги. Учитывая постоянный спрос, иностранные купцы, особенно французы и итальянцы, контрабандой переправляют через абиссинскую границу спирт и водку целыми караванами, выменивая на них необходимые им товары. Этот массовый алкоголизм всячески поддерживается церковью и ей обязан своим происхождением. Пьянство—неизбежный спутник всех религиозных праздников, которых в Абиссинии множество. В эпоху распространения ислама и борьбы абиссинской церкви против него за сохранение паствы и своих экономических позиций церковь поощряла употребление алкоголя во время религиозных церемоний и праздников. Это явилось сильным аргументом в пользу христианской религии среди «истинно верующих» невежественных туземцев-мусульман. Привычка к алкоголю вошла в быт и используется феодалами и помещиками в своих классовых интересах; им вкупе с попами гораздо легче эксплоатировать крестьян, сознание которых притуплено водкой. Здесь гнусная роль духовенства и церкви, как реакционной, классовой организации, которая систематически спаивает население с целью сохранения своих материальных преимуществ, выражается с особенной яркостью.

Формы брака

Строго говоря, абиссинцев нельзя назвать моногамистами, хотя они таковыми должны быть, согласно догматам абиссинской церкви. Брак, устройство семьи, взгляды, господствующие среди большинства населения,—все это носит примитивный характер. Абиссиния находится на стадии перехода от полигамии к моногамии. Церковь идет на уступку существующим экономическим отношениями и облегчает развод, т. е. фактически облегчает полигамию. Установленных форм брака в Абиссинии нет.

Обычная связь мужчины с женщиной, без всяких гражданских узаконений или религиозных церемоний и без каких бы то ни было обязательств по отношению друг к другу, не считается чем-то предосудительным и ее не замалчивают, как это делается в «приличном» буржуазном обществе. Наоборот, в глазах абиссинцев—это обычная форма брака. Здесь еще продолжают господствовать пережитки родового быта, когда вопросы брака далеко не имели такого большого значения и не были связаны с рядом церемоний,

возникших в результате образования частной собственности и общности трудовых процессов в семье. Второй формой брака является так называемый гражданский брак, сопровождающийся описью имущества, приносимого обеими сторонами в дом, для того чтобы в случае развода иметь данные для точного раздела имущества. Эта форма немногим отличается от первой. Брак, совершающийся при пышной религиозной церемонии,—редкое явление, имеющее место почти исключительно среди господствующих классов.

Грамотность
«Работа» миссионеров
Духовные школы

За исключением нескольких иностранных миссионерских школ, расположенных в крупнейших городах, никаких образовательных учреждений в Абиссинии нет. Население почти поголовно неграмотно. Рей пишет, что состоятельные люди, как правило, избавляют себя от необходимости затрачивать время на образование, прибегая к услугам грамотных секретарей. Они даже не умеют расписываться. Печать в конце письма заменяет подпись. Иностранные языки знают лишь те абиссинцы (почти исключительно представители имущих классов), которые прошли через миссионерские школы. Многообразие языков, диалектов и наречий, очень часто даже не имеющих еще письменности, также препятствует распространению грамотности среди абиссинского населения. Как и во всех колониях, империалисты импортируют в Абиссинию наряду с водкой и сифилисом евангелие.

Различные христианские миссии представляют такой же рычаг порабощения страны, как и иностранные советники. Разворачивая сеть своих школ, миссионеры готовят из числа абиссинских аристократов свою империалистическую агентуру.

Наибольших успехов достигли американцы (в районах галла). На втором месте стоят французские и шведские миссии.

Кроме миссионерских школ в крупных центрах Абиссинии имеются духовные школы разных рангов, куда посылаются попы и дьяконы, зарекомендовавшие себя в глазах высшей церковной иерархии, для получения теологического образования и изучения древнего языка гез. В этих же школах духовенство обучается абиссинской грамоте. В некоторых крупных монастырях есть свои духовные школы для обучения монахов. Обыкновенные смертные (крестьяне, ремесленники) никакого образования нигде не получают. Церковь сохраняет за собой монополию на образование и использует его как орудие эксплоатации трудящихся масс и средство классового порабощения.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Таблица 1[1]

Тоннаж грузов, перевезенных по Джибутинской ж. д с 1910 по 1928 г.

Годы	Импорт в Абиссинию	Экспорт из Абиссинии	Годы	Импорт в Абиссинию	Экспорт из Абиссинии
1910 . .	6 004	7 426	1921 . .	115 35	10 360
1911 . .	8 713	7 619	1922 . .	14 281	13 490
1912 . .	9 146	7 147	1923 . .	22 962	15 191
1913 . .	8 197	9 240	1924 . .	18 693	23 855
1914 . .	15 060	8 363	1925 . .	25 474	26 571
1915 . .	17 431	10 885	1926 . .	33 843	24 082
1916 . .	14 579	9 011	1927 . .	39 466	25 361
1917 . .	20 022	14 166	1928 . .	47 724	24 416
1918 . .	20 770	15 320	1929 . .	49 092	21 538
1919 . .	15 234	14 796	1930 . .	42 162	24 950
1920 . .	21 358	11 196			

Таблица 2

Импорт в Абиссинию по железной дороге (в тоннах)

Товары	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Абугедид	4 793	4 638	5 180	5 116
Другие ткани	2 931	3 148	1 897	785
Керосин	1 706	1 680	1 816	2 222
Соль	18 240	19 243	21 037	19 314
Сахар	1 630	3 363	2 023	2 113
Мыло	517	507	543	421
Пиво	153	233	301	125
Вино	667	195	272	252
Спирт	331	419	705	112
Финики	147	268	175	145
Рис	292	575	610	297
Дурра	29	3 503	1 223	126
Пшеничная мука	230	109	68	230
Железные инструменты . .	591	372	118	221
Стеклянные изделия	275	299	411	247
Пустые мешки	459	449	551	446

[1] Взято из «Rassegna economica delle colonie» № 1—2, 1930. Цифры за 1929 и 1930 гг. взяты из «Bolletino di informazioni commerciali» № 39, 26/IX 1931.

Продолжение табл. 2.

Товары	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Табачные изделия	43	125	82	34
Ладан	313	302	328	240
Багаж	138	127	—	—
Бензин	—	609	967	628
Автомобили	—	370	259	284
Строительные материалы	481	1 490	705	1 783
Металлы	—	1 459	9 821 вкл. баг.	7 021 вкл. баг
Разные товары	—	5 246		
Всего	**39 466**	**47 724**	**49 092**	**42 162**

Таблица 3

Экспорт из Абиссинии по железной дороге (в тоннах)

Товары	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Туземное масло	63	37	22	77
Кофе Харрар	7 262	5 093	13 683	14 412
Абиссинский кофе	7 090	7 658		
Очистки	40	22	8	12
Воск	410	317	326	346
Слоновая кость	6	7	4	3
Сухие шкуры	9 474	10 451	7 136	8 015
Дурра	147	84	—	1 344
Злаки	180	249	29	22
Картофель	10	9	—	—
Древесный уголь	1	19	—	—
Сухие овощи	47	43	34	25
Пшеничная мука	67	—	—	—
Багаж	341	308	296	694
Разные товары	223	119		
Всего	**25 361**	**24 416**	**21 538**	**24 950**

Сдано в производство 3/III—1932 г. Подписано к печати 29/VIII—1932 г.
Редактор В. ЛУЦКИЙ. Технический редактор А. СИДОРОВА.
Огиз Э-5-50 № 842. Формат бумаги 82×111/32. 5 п. л. 40.320 зн. в печ. л.

Уполномочен. Главлита № Б—25006. Зак. 4931. Тираж 3000 эк.

Фабрика книги «Красный пролетарий», Краснопролетарская 16.

Крейтнер. Абиссиния

1 руб. 25 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ: Магазины и отделения КНИГОТОРГОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ОГИЗа. Почтовые заказы направлять: Москва, 64 „КНИГА ПОЧТОЙ"
Заказы высылаются только наложенным платежом без задатка

2020075291